

Даниэль Брэйн
& Джина Шэй

Тростые
СМЕРТНЫЕ

Annotation

Он очнулся в незнакомом доме. Без памяти, без сил, без прошлого. Потом он понял — и без будущего тоже.

Потому что он очнулся в аду.

1. Смерть

Сначала в его сознание заполз навязчивый стук.

Тихий, отчетливый, размеренный, надоедливый, и он сперва обрадовался тому, что слышит хотя бы этот стук, и открыл глаза, но ничего не увидел. В комнате царила беспросветная мгла. Он чувствовал и запах, воздух был спертый и странно пахнущий — остро, но не едко, и этот запах даже навеял воспоминания, но воспоминания слишком давние, покрытые слоями пыли, не поддающиеся разуму, ускользавшие. То ли были они, то ли не были. Но он понимал, что дышит, ощущает запахи, слышит звук, и это значило — он был жив.

Он попытался пошевелиться, чтобы встать и отыскать источник стука, а потом — зажечь хоть какой-нибудь свет. Темнота сама по себе не пугала, но он знал, что должен убедиться — это именно темнота. Тело ему не подчинилось, только кровать, на которой он лежал, издала тихий скрип, похожий на издевательский смешок.

Он попытался призвать на помощь рассудок. Он мог слышать, мог дышать, пусть каждая попытка вдохнуть полной грудью и приводила к жгучей боли в горле, в груди, а потом и во всем теле, он мог шевелить пальцами рук, даже удалось чуть подвинуть правую ногу, но и только. И даже голова, казалось, была прикована к проклятой постели.

Он был где-то, лежал где-то, и он совершенно не помнил, ни как оказался в этом аду, ни что этому предшествовало. Все, что удалось откопать в опустевшей памяти, — это истощный, полный ненависти женский вопль:

— Трус! Трус!

Кто кричал, почему — ответов не было. И все же он знал, что крик обращен к нему.

— Я не трус, — произнес он одними губами, и ему показалось, что когда-то он уже говорил кому-то эти слова. Но, как и сейчас, они никого ни в чем не убедили.

Он не мог даже вспомнить, кто он такой.

Он полежал и решил, что он — мужчина. Почему-то это банальное открытие его обрадовало: по крайней мере, он точно знал, что существуют два пола, и знал, что они отличаются. Потом он прикинул, что он зрелый мужчина. Откуда пришло это знание, он так и не понял, но был уверен, что прав. На этом все закончилось, и больше мыслей не было никаких, а какое-то время спустя он вспомнил слово «ад». Короткое и совсем не страшное, оно ударило под дых.

Неужели он все-таки умер? И как же тогда то, что к аду всегда прилагалось, — пугающий грешников адский огонь?

Он разозлился. Вместо того, что было сейчас так нужно, в голову лезла всякая ерунда. Ад, пламя, какая-то глупая женщина с криками, чертов стук.

Мог ли ад быть таким — темным, колотящимся? А быть может, его кто-то съел, и это стучит чье-то сердце?

Он замер, затаил дыхание и стал вслушиваться. Цок, стук, цок, стук. Стук креп, становился все громче, заполнил рваные остатки непонятной реальности, и он сорвался и заорал, не в силах выносить эту пытку.

Стук никуда не исчез, безмолвных криков, больше похожих на сип, тоже никто не услышал. А он провалился в беспамятство, когда от вопля новый приступ боли острым

ножом резанул по горлу.

Сколько он так пролежал, он не знал. Очнулся он от множества звуков, среди которых стук потерялся и был с трудом различим: какое-то жужжание, ровное и неживое, кудахтанье кур, надсадное мычание коровы, скрипы, детские голоса. Что-то, связанное с этими детскими голосами, неприятное, тошнотное, слабо ударилось о пустую память и пропало. Он успел только понять, что дети — это нехорошо, неприятно, некомфортно, а потом голоса вдруг заткнулись, и грянула музыка.

Он застонал, но оборвал сам себя: последний изданный им звук принес слишком много страданий. Широко раскрытыми глазами он таращился в темноту, как вдруг распознал просветлевшие пятна. Он лежал на спине, а пятна — чуть различимые блики — гуляли по потолку. Что-то двигалось там, за пределами его зрения, возможно, и за пределами комнаты, и чем бы ни было это «что-то», оно его успокоило.

Музыка резко стихла, громко крикнула женщина, и наступила относительная тишина. Из всей какофонии оставались лишь куры и корова, а когда они замолкали, опять начинался стук. Потом что-то хлопнуло, зазвенело, истошно заорала курица, донеслась ругань грубым женским голосом.

Это был странный, неправильный ад. Из этого ада надо было убираться. Пока этот ад еще спал или был занят другими делами, но он не мог с уверенностью сказать, что будет, когда ад наиграется с привычным бытом.

Он стал разминать пальцы — сначала правой руки, потом левой. Сколько времени он потратил, прежде чем смог оторвать правую руку от простыни, он не знал, но сосредоточился только на этом. Он вспотел. Еще целая вечность прошла, и он осторожно ощупал лицо, начав со лба.

Волосы. Длинные, мокрые от пота. Они спадали на лицо. У мужчин нет таких длинных волос.

Он спустил руку ниже. Глаза, нос, подбородок и что-то, что не ощущало прикосновений. Под этим чем-то была его шея, закованная, как в трубу. Труба заканчивалась на груди, и он продолжил изучать собственное тело. Голая грудь, живот, последним, до чего рука дотянулась, был голый член, после этого оставались только незначимые и тоже, разумеется, голые бедра.

Он вернулся к члену и как мог тщательно изучил его. Что должно было быть в паху, он не имел понятия, по ощущениям же все оставалось на нужных местах. И он вернулся к шее — он должен был осмотреть эту странную комнату, а для этого он должен был любой ценой повернуть голову.

Справиться с трубой на шее одной рукой не удавалось, и каждая попытка повернуть голову причиняла такую боль, что он едва не терял сознание. Как ни странно, это открытие его даже обрадовало — вряд ли умершие продолжают чувствовать боль — и придало силы. Он выдохнул, стиснув зубы, и начал осторожно подтягивать ноги, помогая себе правой рукой. Они тоже не слушались, и пришлось сначала шевелить пальцами, возвращая им чувствительность и подвижность, потом — ступнями, потом — пытаться согнуть ноги в коленях.

Эти немудреные упражнения отвлекли его на довольно долгое время. Где-то вдалеке он слышал постоянно сменяющиеся звуки — неразборчивые крики, плач, женские крики, куриный скандал, какой-то металлический звон, детские крики... Но двигался он под размеренный стук: стук — движение, стук — движение. Так было легче не терять

концентрацию и не впадать в истерику от постоянно накатывающих приступов паники.

Он остановился. Правая нога так и замерла, полусогнутая, а воспоминание прошло перед глазами отчетливо, как будто увиденное со стороны. Он даже услышал голоса.

— Сука! Говорил я тебе так не делать? Не делать? — Орущий мужчина был сильно пьян, выговаривал слова четко, словно сам боялся в них запутаться. — Сколько раз тебе говорить? Ты, блядская ведьма?

Женщина плакала и, судя по всему, пыталась оправдываться. Она бормотала что-то бессвязно, и слов ее было не разобрать.

Он закрыл глаза и увидел тесноту пыльного шкафа, почувствовал, как пахнет заношенная одежда — уличной грязью и нафталином. Дверь шкафа оставили приоткрытой, и через щель было видно, как нетрезвый, почти не держащийся на ногах человек медленно таскает по полу за волосы женщину.

— Дрянь! Тупая никчемная дрянь! Руки никуда не годятся! Все твои блядские шуточки!

Эта женщина делала что-то не так — или так, но мужчине это не нравилось. И она не сопротивлялась.

Эта женщина была его матерью.

Он попытался вспомнить ее имя. Элен? Айрини? Эйлин? Эвилин? Ненавистный стук колотил в уши, и внезапно он сообразил, что это просто часы. Обычные часы, точно такие же, наверное, как и те, что висели в доме его родителей. И точно так же они должны были колотиться в вечность по ночам в доме Элен (а быть может, Эйлин или Эвилин) и этого мужчины, пьяного и ненавистного.

Воспоминание было детским, обидным и ярким, и ему показалось странным, что он видит как наяву то, что было давным-давно, и не может вспомнить ни одного имени, ни одного события из недавнего прошлого. А быть может, этого прошлого у него и не было?

Где он оказался, как он здесь оказался, зачем? На мгновение выдержка ему изменила, и ей на смену пришел одуряющий, холодный страх, сильнее, чем все прежние накатывания паники, и противостоять ему, справиться с ним на этот раз не получилось. Он рванулся, шею обожгло как пламенем, и на фоне этой вспыхнувшей боли он почти не заметил, как засадила левая рука.

Немного придя в себя, он поднял левую руку. Она была в крови, но не сказать, чтобы слишком серьезно поранена, и не так уж сильно болела. После адова пламени в шее эту боль вполне по силам было терпеть и даже не замечать.

С двумя руками дело пошло быстрее. Он подхватывал обессиленные ноги под колени и заставлял их сгибаться и разгибаться. Время шло, и он замечал это, поглядывая на пятна на потолке — они двигались, и он понял, что это движется солнце, наверное, уже к закату.

Он опять остановился. Было лето. Возможно, не очень позднее, но все-таки лето — длинный день, звуки со двора. Весной и осенью звуки иные. Это тоже было не воспоминание — знание. Он вздохнул. Все его усилия могли оказаться тщетными. Не потому, что кто-то запер его в этой темной комнате, а потому, что он лечится здесь — от чего-то, ему неизвестного. Но если это была больница, подумал он, больница, а не тюрьма.

Было ли что-то в его потерянной жизни такое, за что он мог угодить в тюрьму?

Он вспомнил про детские голоса. Раздражающие и провоцирующие на крик его самого. Он ударил ребенка? Избил? Убил, намеренно или нет? А быть может, убил того человека, которого видел в воспоминаниях, — своего отца? Или тот человек вовсе не был его отцом? За что вообще могут отправить в тюрьму? А быть может, он оклеветан?

Он поморщился, через зубы выпустил воздух, расслабился на подушках. Тело, непривычное к движениям, болело, словно по нему от души колотили чем-то, ныла левая рука, горела шея.

Он закрыл глаза и увидел свет. Свет тянул вперед, звал куда-то в немеркнущее счастье, а к ногам как будто подвесили камень, и нельзя было к свету ни полететь, ни пойти. И что-то давило на шею, как удавка, или резало, как острый нож. И руки не шевелились. А еще рядом были глаза — непонятного цвета, полные удивления, беспомощности и вины.

Он вздрогнул и открыл глаза. Он понял, что именно так умирал, но — не умер, потому что его кто-то спас. И этот кто-то, наверное, и укрыл его здесь, в темной комнате... для того, чтобы его не увидели с улицы. Это значило, что он не просто почти покойник, а покойник, которого нельзя показывать никому. Пусть его лучше считают мертвым, только лучше — для кого?

Как мог, изо всех сил, он напрягся, преодолевая боль и слабость во всем теле, стараясь не думать ни о чем, только о цели — сесть, спустить ноги, осмотреться и убежать. Чутье спорило само с собой, что опаснее и безрассуднее — бежать или остаться здесь, а что-то совсем древнее в нем, какое-то первобытное, звериное, не умеющее думать начало, орало, что каждая секунда промедления грозит неминуемой гибелью.

Он сидел на кровати, не решаясь вытереть текущий по лбу пот, боясь отпустить колени и упасть снова, и усиленно затыкал надрывающееся воплем звериное начало. Его спасли, а это значит — ему уже не желают смерти. Просто надо было понять, кто и зачем его спас.

Он понял, что не сможет встать на ноги — тело слишком ослабело от лежания и слишком устало от непредусмотрительно сделанных упражнений. Но он мог поворачивать корпус, главное было — не отпускать колени и сдерживать стоны.

Он привык к темноте. Слева он разглядел какую-то бутылку на длинной палке, от которой отходил то ли провод, то ли шланг. У стены — стол, на котором стояло множество бутылочек поменьше, котел, что-то, смахивающее на жаровню или просто горелку. Напротив кровати — темная, неразличимая почти дверь без ручки. Справа — окно, занавешенное черными шторами. Стул совсем рядом с кроватью, и все. В комнате темные стены, только потолок традиционно белый или просто светлый. И никакой видимой лампы. Какое-то царство всепоглощающей тьмы, комната ожидания перед адом.

Он почувствовал, что если не ляжет сейчас сам, то упадет без сознания, и это его испугало. Там, по ту сторону, жили какие-то странные призраки, встреча с которыми не была долгожданной. Там был затхлый шкаф, свет, в который невозможно было попасть, и черт его знает, что еще, столь же непонятное и ужасающее. Ему показалось, что в его жизни хватало дерьма и кошмаров, чтобы сейчас добавлять к ним кошмары во сне.

Подушка была мокрой от пота, и тут ему пришла в голову новая мысль.

Ни жажды, ни голода, ни желания опорожниться — вообще ничего. Он стал прикидывать, сколько прошло времени с тех пор, как он мог сделать одно, другое или третье в последний раз, и по всему выходило, что времени прошло предостаточно. Он не умер тогда, в этом светлом тоннеле, что бы его появление в его жизни ни вызвало, но не умер и от истощения или от обезвоживания. Он не в состоянии нормально двигаться, почти не может говорить, не может даже позвать на помощь своего похитителя или спасителя. Но раз он жив — кто-то поддерживал в нем жизнь.

Он долго лежал, отдыхал, осмысливал то, что вспомнил, но никаких ответов не нашел. Даже имя не приходило на память, но ведь должны же его были как-то называть? Человек

может быть без памяти, но без имени — никогда.

А что если он попал в этот мир из другого мира?

Он не знал, возможно ли это в принципе и существуют ли вообще какие-то другие миры. И если все-таки существуют, то почему у него не осталось ни памяти о прежнем существовании, ни знаний о новом.

— Кто... я... такой... — просипел он. Боль приходила только тогда, когда он слишком напрягал горло, как и сейчас, но теперь она его отрезвила. Ему нужен был кто-то рядом, сейчас же, без промедления.

Он протянул руку и толкнул палку с бутылкой. Палка не поддавалась, и он попытался еще раз. Конструкция покачнулась, но опять устояла, и он, рассвирепев, толкнул ее изо всей силы. Палка глухо упала, бутылка разбилась, но недостаточно громко, чтобы привлечь чье-то внимание. Если тот, кто запер его здесь, был снаружи, то, конечно же, ничего не услышал. Он стал медленно двигать правую ногу к краю кровати, чтобы опрокинуть стул. Кровь застучала в ушах, пришлось дышать чаще и глубже, боль в шее начала откручивать голову.

И в этот момент открылась дверь.

Он так и замер с высунутой из-под одеяла ногой, точнее, просто обмер от страха против собственной воли, на всякий случай даже перестав дышать, но не сводил взгляд с темной фигуры в дверном проеме.

За этой фигурой тоже было темно. Но рассмотреть того, кто стоял в дверях, он мог. Сложно определимый рост, но скорее средний. Человек одет в балахон, но скорее женщина, чем мужчина. Волосы... то ли собраны, то ли спрятаны. Человек протянул руку к стене, что-то щелкнуло, и кровать залил неяркий белый свет.

Он зажмурился.

— Я так рада, что вы очнулись, мой дорогой.

Он осторожно, насколько мог, вдохнул и медленно выдохнул. Голос был ему незнаком. Он открыл глаза и закрыл их снова. Свет разгорался, смотреть после полной тьмы было невозможно, и сразу выступили слезы.

— Я вижу, вы пытались встать. Ай-яй-яй, как неосмотрительно! — Голос раздался уже совсем близко. — Вам пока нельзя двигаться. Кхм. Опрокинули капельницу. Знаете, а вы не изменились даже после смерти, мой дорогой. Все такой же упрямый, своенравный, дерзкий.

Как будто бы говорившую восхищало и упрямство, и своенравность, и дерзость.

— Я... все-таки... — горло взорвалось болью, но он нашел в себе силы закончить. — Умер?..

— Почти умерли. — Женщина, судя по всему, обходила кровать, и он нее пахло так же, как от всей этой комнаты — остро, и ее запах был интенсивнее. — Почти умерли, но скорее всего, вас убили. Попытались убить. Я нашла вас. — Она вернула палку на место. Он приоткрыл один глаз, но ничего не рассмотрел из-за света и слез и закрыл его снова. — Нашла и поняла, что могу, что обязана вас спасти. Кхм. Неизвестно, что было бы с вами, окажись это не я, а кто-то другой...

Она завоzilась возле кровати. Было слышно, как она выдвигает ящик — наверное, тумбочки, которую он не заметил, — и звякает чем-то металлическим. Он попытался себя убедить, что это не нож, которым она сейчас перережет ему сначала трубу, а затем — горло.

— Вы пробыли у меня несколько дней.

Не так много, решил он, не так долго, только — с какого момента считать?

— Пуа-а... — простонал он.

— Простите? Кхм. Я слегка приболела позавчера, не стала к вам заходить так часто, как раньше. Не уверена, что это простуда. Даже сейчас я в маске, не беспокойтесь. Скажу вам, как есть, — она присела на кровать, и та завопила от дополнительного веса, — я чувствую себя героиней. О нет, кхм, не потому, что спасла вас, а потому, что смогла это сделать. Это было непросто. Но вы, кажется, что-то хотели? Вероятно, вам нужно опорожниться. Я сейчас.

— А-а-аха-уы, — если бы он мог, то замотал бы головой, но и в немощный стон он вложил весь возможный протест.

— Хорошо, — не стала спорить с ним женщина. — Под вами лежит одноразовая пеленка, пожалуйста, пользуйтесь ей, как вам будет удобно.

Прямо от живота, от того самого места, для которого пеленка была предназначена, поднялась волна удушающего стыдного жара и накрыла его с головой. Он порадовался, что глаза у него закрыты, а собеседницу свою он не видит: он не смог бы спокойно посмотреть ей в лицо.

— О нет, дорогой мой, — сказала женщина, и ему показалось, что она улыбается. — Кхм. Нет ничего более естественного, чем то, о чем вы подумали, и ничего менее стыдного, чем помочь справиться с этим. Все зависит от того, как к этому относиться и как относиться к вам. Возможно, вы чувствуете себя некомфортно, вам страшно, и я вам скажу — во всем мире нет более безопасного места для вас, чем этот дом.

Он очень хотел хоть немного расслабиться, но одного желания было недостаточно. Эта женщина пугала его, он был слишком беспомощен, слишком слаб. Даже в ее приветливом, ласковом голосе с легким покашливанием звучало что-то жуткое.

— Дом не так далеко от жилья, но... для вас — бесконечно далеко. Это если вы захотите уйти и если сможете это сделать. Сейчас вы, наверное, убьете себя этим. — Она поднялась, отошла куда-то, очевидно, к стене, к тому самому столу с пробирками. Он еще раз попытался открыть глаза, но свет был уже нестерпимо ярк, бил из ниоткуда прямо в лицо, и он просто молчаливо разревелся, чувствуя, как слезы безостановочно катятся по лицу. — Поэтому я сейчас снова сделаю кое-что для вас. Просто для того, чтобы вы смогли отдохнуть и не навредили себе своим легкомыслием. Я не считаю, что вы отличались им, но... иногда вам стоило бы просчитывать свои шаги, и это не привело бы к непоправимому.

Она подошла, постояла, взяла его за руку, но не стала вытирать ему слезы.

— Кхм. Не стоит мне, наверное, так говорить, но вы мне бесконечно дороги. Да, я знаю вас, я очень хорошо знаю вас. Я узнала вас, так будет точнее, и поэтому я вас спасла. Вы — смелый, отчаянно смелый человек. Пронесший через всю свою жизнь любовь к недостойной вас женщине. Молчите! — прикрикнула она, хотя он при всем желании не мог бы ей возразить — ни физически, ни по сути: он понятия не имел, о ком она говорит. — Тот, кто не сумел рассмотреть ваше славное сердце, а повелся на внешность, никчемный блеск, фанфаронство, фиглярство, позерство, огромный счет в проклятом банке и чистую кровь, недостойн топтать эту грешную землю. Кхм...

Она чем-то протерла его руку на сгибе, едко запахло спиртом.

— Пусть она горит в своем вечном аду. Я знаю, что вы думали о ней перед смертью. Но ее давно нет, я вернула вас к жизни, забудьте о ней.

Он был согласен забыть о ком угодно, только бы получить возможность собраться с последними силами и задать вопрос.

— Наверное, вы хотите знать, как меня называть. Я долго думала над этим. Зовите меня просто — Энни. Да, Энни, — она как будто кивнула сама себе. — Это имя не вызовет у вас никаких воспоминаний. И оно не похоже на ее имя.

Она вытянула его руку, и он почувствовал, как глубоко и почти безболезненно впиалась игла. Он вдохнул — непроизвольно, и тут же голова затуманилась, чувства почти пропали.

— Я-а-а... — простонал он из последних сил. — А-а...

— Вы, — она наклонилась и погладила его по голове. Ему показалось, что она вгоняет обратно приятно ускользящее сознание. — Вы, мой дорогой. Кхм... вы — Снейп. Северус. Профессор Северус Снейп. — Она отошла, направилась к двери. — Вы разрешите называть вас Северус, правда? Не сочтете, что я фамильярна? — она помолчала. — Отдыхайте, мой дорогой. Северус. Доброй ночи.

Свет погас, дверь закрылась, наверное, неслышно закрылся замок. Он был уверен, что странная Энни заперла его в этой камере. После яркого света он опять ничего не различал и лежал, боясь пошевелиться и почему-то боясь подчиниться воле ужалившей его иглы, которая тащила его сейчас обратно в кошмарную неизвестность.

Профессор Снейп. Северус Снейп. Он — профессор Северус Снейп. Северус, любивший какую-то дрянь и кем-то за что-то убитый.

«Кто такой этот профессор Северус Снейп?» — успел подумать он перед тем, как снова уйти в небытие.

Возможно, он заболел или перенапрягся, потому что пролежал в сменяющемся ознобом жаре и полубреду весь следующий день. Энни заходила, что-то бормотала себе под нос, звякала металлом и колола Снейпу руки. Процедуры были болезненными, но уже к вечеру помогли, и он успокоился и заснул.

При последнем визите Энни — пятом или шестом за этот день — он попытался ее рассмотреть получше, пользуясь тем, что она не включала такой яркий свет, щадя его, немощного. Но Энни все еще носила маску, только волосы собрала совсем, в пучок или его подобие, и надела на голову светлую шапочку.

Когда Снейп задержался при очередном уколе, Энни объяснила, что кормит его через капельницу. Он не понял, как такое возможно, но выяснять подробности не стал. Его слишком мучили незапоминающиеся картинки из непонятного прошлого, он не хотел засыпать, но и бодрствовать тоже не мог, и был в неприятной прострации где-то между мирами.

Энни еще при первом визите натянула перчатку на руку и озабоченно сунулась под одеяло. Снейп подскочил, но Энни не обратила на это абсолютно никакого внимания. Кажется, результат ее обрадовал, хотя и имел не самый приятный запах. Потом он — Снейп, Северус Снейп — вытерпел унижительную процедуру обмывания, которое Энни мастерски выполнила, не поднимая его и пользуясь чем-то влажным и специфически пахнущим. Она одним уверенным движением подложила новую пеленку и ушла, забрав мусор, а Снейп молился всем известным ему богам, чтобы больше ему не пришлось проходить через этот очистительный ад.

Но перед тем как совсем уснуть, он все же еще раз сделал свои дела, дождавшись, когда Энни уйдет. Он решил, что лучше лежать на промокшем, тем более, что и промокшей эта пеленка не ощущалась, чем лежать бревном и делать вид, что эти бесстрастные, будто профессиональные прикосновения на самых интимных местах — нормальны. Чистоплюйство было одолено, лихорадка побеждена, оставался только здоровый, крепкий сон.

Новое утро началось с прихода Энни и — чудо — чуть отдернутых занавесей. Она оставила совсем небольшой просвет, но Снейп почувствовал жизнь за окном и даже улыбнулся.

— Вы держитесь прекрасно, — похвалила Энни. — Простите, что разбудила вас, но мне нужно быстро управиться с вами, чтобы заняться моим хозяйством. Потом я вернусь.

Снейп стиснул зубы и стоически перенес пеленку, уколы, недолгое отсутствие Энни, кормежку через иглу в руке, и только украдкой разглядывал своего то ли ангела, то ли тюремщика.

Энни была молода. Снейп убедился, что тогда, в темноте, неверно определил ее возраст. Она все так же была в бесформенном балахоне и маске, но он заметил, какие у нее волосы — каштановые или темно-русые, стянутые под шапочкой и непослушно выбивающиеся. И карие глаза ее были глазами еще молодой женщины, явно моложе его самого, хотя, сколько лет ему самому, он догадывался только приблизительно.

Когда Энни вводила ему иглу, он напрягся.

— Нет, надо расслабить руку, — заметила она. — Иначе вам будет больнее. Северус.

Снейп вздохнул и осторожно прижал ее пальцы, как только ему представилась такая возможность. Энни с улыбкой на него посмотрела. Он покорчил рожи, потом поднял правую руку и указал на Энни, потом на свое лицо.

— Побрить вас? — спросила она. Он изобразил несогласие, как мог. Со стороны это, наверное, выглядело или смешно, или жутко, но Энни не испугалась и не засмеялась. — Маску? Снять маску? Нет, нет, вы же видите, я умудрилась заразить вас даже с ней, а быть может, и раньше. Пока не просите. Мы с вами легко отделались.

Он хотел было сказать, что вчера она даже уже не подкашливала, но пока размышлял, стоит ли ему пытаться говорить, Энни поднялась.

— Вам придется меня подождать. Обещаю, что сегодня уделю вам куда больше времени.

Дверь закрылась. Он остался один.

Снейп размышлял: что случилось? Почему он не помнит о прошлом совсем ничего, не считая обрывков, все равно не вносящих никакой ясности? Кто пытался его убить, почему у него так болит горло, кто такая Энни, почему она так ловко управляется с ним? Как она его вытащила? Она не выглядела особенно сильной и не была рослой.

Он решил подождать и сквозь легкую дрему слышал, как Энни возится во дворе. Очнулся он от того, что она снимала с руки иглу.

— Вот так, — довольно сказала она. — Вам становится лучше. Только странно, что вы по-прежнему не можете говорить. Может быть, не хотите. Давайте попробуем.

Она поправила маску, обошла кровать и села на стул. Снейп отметил, что она изменилась — речь ее стала словно другой, но он готов был поклясться, что голос ее остался все тем же. Страх, вызванный в тот день, скорее всего, темнотой, сейчас отступил, и все, что испытывал Снейп, было любопытство.

— Скажите мне: «Добрый день, Энни».

Он собрался с силами.

— До... брый день.

— Энни.

— Энни.

Горло заболело. Снейп не мог понять, почему, ощущая, что оно было сплошной незаживающей раной.

— Прекрасно, — похвалила Энни. — Давайте еще.

Оно опять изобразил несогласие. Энни задумалась.

— Хорошо, — наконец сказала она, — я сейчас.

Отсутствовала она недолго и скоро вернулась, держа в одной руке среднего размера лист бумаги, прикрепленный к чему-то плотному, и карандаш. Другую руку она спрятала за спину и загадочно улыбалась.

— Говорите, — потребовала она. — Если будет совсем плохо, я дам вам вот этот планшет и карандаш.

— Расскажите мне, — попросил он, — обо мне.

Слова дались с усилием, но он был рад, что сейчас узнает о себе хоть что-то. Эта Энни, если верить ее словам, его знала в той, прошлой, потерянной жизни.

— Вас зовут Северус Снейп, — мягко ответила Энни. — Вы не помните?

Он хотел бы категорично помотать головой, но этой возможности был лишен.

— Красивое, благородное имя, — продолжала она. Ее глаза даже немного закатились от восторга. — Северус Снейп из рода Принц. Ваша мать была очень сильной волшебницей. Сильной и очень несчастной. Она вышла замуж... — Энни вздохнула, внимательно посмотрела на него. — За грязного маггла. Горького пьяницу. Он избивал ее за то, что она ведьма...

Снейп вспомнил свое видение, то самое, из недр шкафа, и то, как пьяный мужчина кричал на свою жену. Эвилин? Элен? Он не мог выговорить ни слова, только нетерпеливо тряс кистью руки и бессвязно хрипел. Энни опомнилась, подала ему планшет и карандаш.

«Как ее звали?» — коряво написал он и подумал, что вместо этого стоило бы уточнить насчет «волшебницы», но вряд ли Энни известны такие подробности о его жизни, однако она прочитала и понимающе покивала.

— Эйлин Принц.

Снейп выдохнул и вопросительно посмотрел на нее.

— Эйлин Принц. Да, я знаю, я знаю о вас практически все и даже больше. Знала ли я вас лично? К сожалению, нет. Я говорила об этом, но соглашусь, в это трудно поверить.

Снейп опять попросил планшет, но она не дала.

— Откуда я знаю вас — не так уж и важно. Я прожила рядом с вами всю жизнь... всю свою сознательную жизнь. Вы были перед моими глазами — суровый, неприступный. Принципиальный, не прощающий врагов, искренний, замкнутый. И бесконечно талантливый. Еще в школе вы переписали учебник и придумали много нового, того, чего не было до вас... Мне кажется, что вас очень любили, но боялись признаться вам в этом. Знаете, такие люди, как вы... на них смотрят с обожанием, как на божество. Но, возможно, дело было и в том, что вас окружали кичливые одноклассники, для которых вы были человеком второго сорта из-за вашего маггла-отца...

Ее ровная речь неожиданно привела его в ужас.

— Почему я ничего не помню?! — почти прокричал он и схватился обеими руками за трубу, под которой вспыхнуло горло.

— Неудивительно, если учесть, что с вами произошло, — холодно ответила Энни. — Под корсетом у вас сплошная кровавая рана. Я была вынуждена надеть его на вас, потому что боялась, что у вас просто отвалится голова. Думаю, у вас повреждены и пищевод, и связки, и кто знает, что еще. Я зашила вам раны, как смогла, и колю антибиотики, теперь нужно просто ждать, пока вам станет лучше.

«Но почему тогда я здесь?» — хотел было спросить он и подумал, что даже с учетом того, что его хотели убить, поведение Энни было странным.

— Тот, кто хотел вас убить, уже мертв. Но сторонники его на свободе, а один глупый мальчишка всем растрепал, что вы были на его стороне. — Энни не стала дожидаться вопросов, но возможно, у нее на все был готов ответ. — Не стоит наивно надеяться, что вам не захотят отомстить. Здесь вы в безопасности, за пределами этого дома — нет. Я не хочу потерять вас снова.

Она помолчала.

— Северус.

Снейп закрыл глаза. Ее голос, когда она произносила его имя, напоминал шипение змеи перед нападением.

— Вам несладко жилось. Вокруг вас были только тупые мальчишки с их шалостями, а вы... вам хотелось большего. Вы были заброшенным, несчастным ребенком в женской

кофте. Ни с кем не играли, сидели в одиночестве. Мне больно, когда я думаю, сколько вам пришлось пережить, — Энни наклонилась и погладила его по руке, но смутилась, выпрямилась и очень серьезно сказала: — Но так было лучше, потому что потом появилась она.

Энни так и не вернула планшет и сейчас сжимала его так, будто собиралась разорвать и лист бумаги, и кусок картона в пластике одним движением.

— Мерзкая дрянь, эта гадина! Ее сестра, тупая безмозглая маггла, и та была лучше, честнее! Она не скрывала, что ненавидела вас, презирала, а эта... эта... эта дрянь, она с детства была сучкой!

Губы Энни затряслись, и Снейп понял — ее первый почти срыв тогда, при первом их разговоре, был не случаен.

— Сдохла, она сдохла! — завопила Энни, привстав. — Сдохла, торгуясь за жизнь своего пащенка! Вы просили у него за нее. Умоляли! Я видела, как вы плакали! Вы, тогда, из-за нее!

Снейп сжался, ожидая, что она ударит его. На последних бессвязных словах она вскочила, уронив при этом стул, вся красная, с безумным лицом, и замахнулась планшетом. Острый и твердый край мог нанести серьезную травму, и Снейп, как мог, отвернулся, защищая лицо: поднять руку он побоялся, чтобы не спровоцировать ее.

Но Энни будто обмякла, опустила руку, плечи ее тоже поникли, планшет глухо шлепнулся на пол.

— Вы не виноваты. Она опаивала вас, я уверена. Сначала использовала свои женские чары... знаете, есть такие малолетние шлюхи. Потом... о, она была неплоха в зельеварении! — Энни снова начала закипать, но задумалась, обернулась, поставила стул и села. — Знаете, Северус, если бы вы были честны, если бы прогнали ее — вы все сделали правильно! Она кокетничала с этим Поттером, ей нравилось его внимание, а вы... вы... Вам надо было прогнать ее прочь.

Она замолчала. Воспользовавшись паузой, Снейп протянул к ней ладонь. Но Энни только покачала головой.

— Вы решили, что докажете ей и всему миру, чего вы стоите. Вы отправились к самому могущественному волшебнику из всех, кого только видел свет, вы стали мастером зельеварения, вас уважали, и сам великий маг слушал вас. И он поверил вам, когда вы сообщили ему о пророчестве, ни на секунду не усомнился в вас. О, да! — глаза ее снова масляно заблестели. Снейп лежал неподвижно, как мумия, и мечтал слиться с кроватью. Он не мог понять, что его ужасает больше — экстаз Энни или ее истерика.

И он не помнил совершенно ничего из того, что она говорила. «Может быть, она просто врет, — подумал он, — пытается выдать меня за кого-то в моих же глазах». Эта мысль немного успокоила, он уяснил главное — не стоит Энни злить. Но то небольшое, что он вспомнил, — того пьяницу, истязавшего несчастную женщину, — очень гладко ложилось в ее рассказ.

— Вашу жизнь, — ровно говорила тем временем Энни, и Снейп понял, что за размышлениями упустил добрую половину ее истории, — вы служили Дамблдору и его цели ради общего блага. Вашу жизнь. И умерли, почти умерли, исполняя свой долг. Вы помните, как Дамблдор шантажировал вас? И тогда, на холме, унижая, заставляя умолять, и незадолго до собственной позорной смерти? «После стольких лет?» — спрашивал он вас, а вы отвечали... Что вы ему ответили, Северус?

Энни уставилась на него наливающимися кровью глазами. Снейп лихорадочно

соображал, что он ответил этому Дамблдору или хотя бы что ему сейчас сказать Энни. Каких лет, что после стольких лет? После скольких лет, наконец?

— Всегда, — отдельно, четко выговаривая каждый звук, произнесла Энни. — Вы ему сказали: «Всегда!» — и выпустили вашу проклятую лань! — Она повысила голос. — Вы, Северус Снейп, Принц-полукровка, бывший подлипала в школьном клубе «Юный потенциальный убийца», бывший Пожиратель Смерти — как вы вообще смогли туда попасть, кто вас звал, кто вас там ждал, кому вы были там нужны? — Энни взвизгнула и резко вскочила. — Зачем это все было нужно вам? Бывший профессор зельеварения, ненавидевший школьников и свою работу. Бывший член Ордена Феникса и бывший Пожиратель Смерти! Бывший профессор защиты от Темных искусств — вы надеялись, что проклятие должности сработает на вас хотя бы как на Локхарте, потому что Локхарту было хорошо! Бывший директор Хогвартса! Человек успешной карьеры и личной жизни. Бывший предатель, бывший предатель снова, и еще раз! И еще!

От ее истошного визга дрожали стекла, и стул, которым она размахивала легко, как веером, от одного взмаха ее руки полетел в другой конец комнаты. Снейп лежал с закрытыми глазами и без эмоций говорил себе, что стал пленником ненормальной. Это открытие его даже не слишком пугало — он отключил все возможные чувства, чтобы только не выдать ни страха, ни злобы, ничего. Он был немощен и уязвим.

— Что вы сделали со своей жизнью, Северус? — неожиданно спокойно спросила Энни, как будто и не было никакого припадка безумия. — Зачем, ради чего? Что такого было в ней, в этой женщине, почему столько лет она травила вас ядом даже из преисподней?

Снейп рискнул чуть заметно повернуть руку, прося планшет. Энни удивленно на него посмотрела.

— Нет-нет, никаких бумаг. Говорите словами, Северус. Рука солжет, голос дрогнет. Ну же?

«Мне больно говорить», — беззвучно сказал он.

— Я не слышу.

— Боль... но... — выдавил Снейп.

— Да, — кивнула Энни. — Я знаю. Боль искупает грехи, разве нет? Вы когда-нибудь были в церкви, Северус? Исповедовали душу свою?

Эти перепады в ее настроении были еще страшнее приливов гнева. Она улыбнулась, присела на кровать, протянула руку и провела по волосам Снейпа кончиками пальцев. Он ожидал, что она схватит его за волосы и дернет, но ничего подобного не случилось.

— Скажите мне, — почти нежно попросила она, и Снейп понял — лучше произнести вслух то, что она просит или хочет услышать, через боль и бессилие.

— Я не помню... о ком... вы... говорите... — с трудом, стараясь говорить как можно четче, сказал он. — Я — вол... влше... зельеваре... ние. Что это?

— Зельеварение, — Энни вдруг улыбнулась так сердечно, что Снейп едва не намочил пеленку. — Да, волшебник. Вы волшебник. К сожалению, вашей палочки у меня нет, но есть другая...

Она посмотрела на то место, где только что стоял стул, и вид у нее был такой удивленный, что Снейп догадался — она не помнит своих припадков так же, как он не помнит про самого себя. И сам удивился, что подумал об этом с сочувствием.

Энни растерянно озиралась, затем опустилась на колени и принялась что-то искать на полу.

— Я же приносила ее, — неуверенно бормотала она. — Точно помню, что приносила. Я захватила ее вместе с этим планшетом...

Снейп понял, что она полезла под кровать. Буквально сразу же Энни издала счастливый вопль, вылезла — растрепавшаяся, раскрасневшаяся еще сильнее — и выпрямилась. В руке она держала палку длиной дюймов в десять, немного изогнутую, тонкую с одного конца и с утолщением с другого.

Снейп вспомнил, как Энни шуршала под его задницей с бесстрастным лицом, и ему стало не по себе.

— Я не просто так просила вас говорить, — торжественно объявила она. — Вы можете колдовать невербально, без слов, могли, по крайней мере, но сейчас... кто знает, как подействовал на вас этот яд.

«Она заговаривается», — решил Снейп.

— Я советую вам попробовать что-нибудь очень простое... Люмос? Вингардиум Левиоса? Что-то, что учат на первом курсе...

Энни была в замешательстве, Снейп же лежал и думал, что с ее психикой все гораздо серьезнее, чем он мог предполагать.

— Держите, — дрожащим голосом попросила Энни и сунула палку ему в руку. — Скажите что-нибудь.

Снейп подумал, что пока обошлось. Но он совершенно не знал, ни что ему говорить, ни что делать. «Что она там несла?..» — отчаянно соображал он.

Он сжал палочку и собрался с силами.

— Люмос.

Ничего, кроме боли в горле.

Энни смотрела на него остекленевшими глазами.

— Люмос.

— Поднимите руку.

— Люмос.

Снейп чувствовал, что еще одно слово — и он потеряет сознание. Энни покачала головой, и он расценил это как разрешение и выронил палочку. Энни тут же наклонилась, подняла ее и снова всунула ему в руку.

— Нет. Вы никогда не сдавались так быстро.

Снейп медлил, боясь отвести от нее взгляд.

— Пробуйте еще. Что-то короткое... Ацио, Авис, Нокс, Портус, Репаро...

Энни говорила почти умоляюще, но Снейп чувствовал: если он что-то сделает не так, она воткнет ему эту палку прямо в сердце.

— Нокс.

Ничего.

— А... ио.

Ничего.

— Еще раз. Четче.

— Ак... цио. — Снейп превратился в комок пульсирующей боли и на короткое мгновение забылся.

— Еще раз. Так быть не может. Вы — не какая-то там кисейная дура Гонт.

Снейп понятия не имел, о ком она говорит, но продолжал торговаться за возможность остаться в живых.

— Люмос. Нокс.

Ничего.

— Авис.

Со двора донеслась истеричная куриная возня. Энни застыла с широко раскрытыми глазами, затем бросилась к окну.

— Получилось! — выдохнула она. — Получилось! У вас получилось!

Она повернулась, и Снейп испугался еще сильнее. В прошлый раз перед тем, как начать швыряться мебелью, она точно так же закатывала глаза. Но Энни, похоже, сейчас находилась в своей милой ипостаси. Она бросилась к его постели, шлепнулась на колени, вырвала палочку, прижала его руку к лицу и разрыдалась.

Снейп перевел дух, надеясь, что за слезами не последует что-то еще. Из этого ада надо было выбираться — это он знал уже твердо. Он не выдержит здесь долго, эта сумасшедшая его убьет.

— Вы со всем справитесь, — шептала Энни, покрывая его руку поцелуями. — Обязательно справитесь. Я помогу вам, клянусь. Я сделаю все, что угодно. Ваша память... она вам ни к чему, я ваша память, ваша история, ваше прошлое, настоящее и будущее. Все будет хорошо, обещаю. Клянусь.

Больше всего Снейп хотел бы сейчас уснуть. Он был уже готов видеть какие угодно кошмары, только не те, что преследовали его наяву. Сон был страшен, он оборачивался потом и липкой ужасающей тьмой, но это все проходило спустя какое-то время, а Энни — Энни, казалось, была всегда, есть и будет: то спокойной, то нервной, то ласковой, то готовой убить за любое неосторожное слово.

Энни вдруг ойкнула, отпустила руку Снейпа, поднялась, не поворачиваясь к нему лицом.

— Отдыхайте, — ровно разрешила она. — Я к вам еще зайду. Возможно. Попозже.

И поспешно вышла, забрав с собой палочку. Замок в этот раз щелкнул очень отчетливо.

Снейп полежал какое-то время, приходя в себя. Когда его дыхание стало ровным, он оценил обстановку. Приоткрытые шторы — близится вечер, но еще не стемнело. Куры во дворе временами ссорятся из-за какой-то ерунды, мычит корова, в доме тишина. Разные звуки он слышал только в тот день, когда очнулся — значило ли это, что тогда здесь еще кто-то был, а потом Энни предпочла остаться одна, без свидетелей? Кто был в доме, как надолго он исчез, имеет ли этот кто-то над Энни какую-то власть? Как выбраться отсюда? Что из того, что она рассказала, правда? Он действительно маг, волшебник, на что-то способный? Если да, то что ему делать? Быть может, выпросить у нее эту палочку, попытаться все вспомнить? И — волшебница ли она или нет? Как сделать так, чтобы она не выходила из себя при воспоминаниях о какой-то бывшей «любви всей его жизни», которую он не помнит, и стоит ли опасаться неведомых сторонников его несостоявшегося убийцы больше, чем саму Энни?

И в самом ли деле она — Энни, откуда она так много знает о нем? Неужели он был знаменитым настолько, что подробности его жизни стали достоянием всех и вся, или она была близка к нему и сейчас может помочь больше, чем навредить? Может ли она сама быть из тех самых сторонников убийцы?

Постепенно стемнело. Снейп хотел есть и пить, потом у него возникло еще одно желание, в итоге вытерпеть он не смог и решил, что Энни сама виновата.

Сорванное горло снова болело, и Снейп решил попытаться уснуть. Он закрыл глаза и

долго лежал, стараясь ни о чем не думать, представляя, что он ребенок, в своей кровати, и мать — неважно, та ли самая могущественная волшебница Эйлин или несчастная избитая замарашка — поет ему колыбельные.

Но сон не шел. Если бы Снейп мог ворочаться, он бы именно так и сделал, но этой возможности он был лишен. Голова становилась каменно-гулкой, стук часов снова колотил как по пустому котлу. Энни играла в жестокие игры — ракетка и мячик, который она отбрасывала в глухую стену, только вместо мячика у нее был Северус Снейп. Привести это все могло лишь к тому, что мячик, испачканный, порванный и уже не нужный, навеки забудут в помойке, где надоедливо вколачиваются в самый мозг старые часы, царствует едкий запах, перебивая вонь пыли и плесени, возле стены валяется сломанный стул, и где-то там существует исчадие ада по имени Энни.

Он так и не уснул этой ночью, промучившись до утра, и только когда совсем рассвело и он перестал что-либо соображать, пришла неразличимая Энни, а вместе с ней — игла, короткий, почти нечувствительный укол и блаженство.

3. Дурак

Его разбудил голод, зародившийся еще неведомо какой ночью, а сейчас так и вовсе выжимающий из тела остатки и без того немногих сил. Когда Снейп разлепил глаза, то долгое время не мог сфокусировать взгляд хотя бы даже на потолке, окружающий его тесный мир расплывался и расцветал бледными радужными пятнами. Во рту царила болезненная сушь, и, чтобы вызвать слюну, пришлось сглатывать не один раз. Хотелось почистить зубы — настолько был неприятен вкус гнилой картошки на языке.

Снейп выдохнул, пытаясь очистить рот от вяжущих металлических ноток. Интересно, сколько сейчас времени? Когда он засыпал, свет вокруг уже обратил предрассветную мглу в яркое утро. Сколько же он спал? Пеленка под ним была сухой и вроде бы даже чистой, значит, Энни уже сменила её, пока он спал, и, скорее всего, не один раз. Может быть, сейчас снова ночь? Может быть, Энни заснула? Может быть, в доме еще кто-то есть, и тогда он почти спасен — если сможет добраться до этих людей?

Эта женщина внушала Снейпу ужас, и не только своей то ли граничащей с безумием, то ли уже давно зашедшей за эту черту эмоциональностью, но какой-то абсолютной незыблемостью. Будто бы все в мире происходило именно так, как скажет Энни, и никак иначе. Она сказала, что он — Северус Снейп, и он стал им. Она сказала, что станет его памятью, и даже надсадный женский крик, преследовавший его прошлыми ночами, как будто бы затих. Она захотела увидеть проявление волшебства — и мир дал ей это проявление. Снейп не знал, что должно случаться при произнесении заклинаний, но Энни точно знала.

Волшебство? Почему он ничего не чувствует, когда слышит это слово? Что примечательно, ничего совсем, и это было неправильно. Должна быть какая-то реакция. Если Энни лжет — должно быть отчуждение, если не лжет... Но нет ни отчуждения, ни ощущения... всемогущества? Нет ничего. Даже знания или чувства, что волшебство может спасти его, нет.

Снейп не хотел верить Энни, не хотел хотя бы потому, что она была ужасной. Не внешне, нет. В те минуты, когда она не пыталась причинить ему вред, Энни даже не выглядела отталкивающей. И даже не своим сумасшествием она ужасала, а скорее непредсказуемостью. Откуда-то у Снейпа всплыло воспоминание, сказанное кем-то когда-то где-то, что можно разговаривать даже с террористами, если уметь. Но с наркоманами разговаривать невозможно, их надо брать только силой, не поддаваясь на провокации и жалость.

Это были два слова из прошлой жизни: террорист и наркоман. Снейп не знал, что они значат, и тем более не понял смысла, но принял воспоминание, как оно есть, и это немного успокоило. Хорошо, но теперь ему нужно было встать. Пока Энни спит, может, удастся разведать хоть что-то, что поможет разобраться. А если он не найдет никакой информации, так, может быть, найдет хотя бы еду? А если совсем повезет, то спасется.

Однако встать было сложной задачей. В руке торчала иголка, от иголки к капельнице тянулся длинный тонкий шланг. Пальцы правой руки почти не гнулись, а благодаря плывущим перед глазами цветным пятнам схватить иголку удалось только черт знает с какого раза. Вырвав наконец иголку, Снейп, скуля, скорчился на койке. Если его не хватает

даже на то, чтобы справиться с какой-то иглой, то о каком выходе из комнаты может идти речь?

Запоздалый страх пронзил его практически физической болью — с чего он взял, что Энни не заперла дверь? Нужно было встать, чтобы это проверить, но стоило приподнять голову, как шея запылала и перед глазами поплыли черные мошки. Пришлось вернуться в горизонтальное положение. Зато после того, как он освободился от капельницы, головокружение стало ослабевать.

Снейп лежал на спине, дожидаясь, пока прояснится зрение, и вслушивался. Помимо мерного шелканья маятника он не слышал ничего из того, что слышал раньше. Потом залаяла надсадным кашлем собака. Пролаялась и простужено протяжно взвыла, будто от сильной боли.

Снейпа беспокоили непослушные руки и ноги. С такими не получится встать, даже преодолевая боль, а если и получится, то он будет еще более беспомощен, чем на кровати. В какой момент изменит тело, предсказать невозможно, но что он мог сказать наверняка — он не сможет бежать, драться, выживать...

«Палочка, — осенило вдруг Снейпа. — Если я действительно волшебник, я должен найти эту палочку. Чья бы она ни была и как бы тяжело мне ни давались эти проклятые... заклинания».

Двигаться было еще сложнее, чем в прошлый раз, и Снейп решил, что это не только из-за вынужденной неподвижности, но и из-за того, что вливалась в него Энни. Снейп согнул левую ногу, затем правую, и через два-три сгибания ощутил легкое тепло в мышцах. Теперь пришел черед рук. Как и прежде, Снейп потерял счет времени, возвращая себе тело, но добиться того, чтобы пальцы слушались идеально, не получилось. Но они хотя бы перестали быть жесткими и чужими, будто клешни экскаватора.

Снейп зацепился за это слово. Экскаватор. Что это? Что-то громоздкое, тяжелое, какой-то огромный механизм. Где он видел его? В воспоминании, связанном с этим словом, резко пахло чем-то эфирным, и чей-то голос орал: отвали с дороги, сопляк, и ухо пылало от затрещины. Отец? Его отец работал на стройке?

Желудок сжался в болезненный ком, страдая от собственной пустоты. Преодолевая слабость, стараясь не потерять равновесие, Снейп медленно сел, помогая себе ослабевшими руками, и окинул взглядом комнату. Ничего особенного он не увидел. За время его сна ничего не изменилось, разве что стусилась темнота и очертания мебели теперь еле угадывались. Голова по-прежнему была прикована к телу, и это мешало, но, по крайней мере, шея не разрывалась, боль можно было игнорировать, и это было хоть слабым, но утешением.

Снейп посидел, собираясь с силами и мыслями. Куда идти, он не знал, и вспоминать было бесполезно. Звуки, которые он слышал, тоже ничего не могли подсказать, шаги Энни... шаги Энни тоже. Она возвращалась то быстро, то не очень, и это не всегда могло быть связано с расстоянием.

Если он упадет, она услышит. Или не только она, если в доме она не одна. Если ее нет... если нет никого...

Это было уже что-то совсем обнадеживающее. Энни кормила его через капельницу, а сейчас Снейпу хотелось есть, значит, ему давно ничего не давали. И если Энни дома нет, то можно, нужно попытаться сделать хоть что-то. Что — Снейп не знал, но воспоминания, приходящие так кстати из небытия, должны были подсказать верное решение.

За окном и не думало светлеть и не раздавалось ни звука. Снейп долго сидел на краю кровати, тянул время, шевелил ногами и руками, косился по сторонам. Наконец он понял, что медлить больше нельзя. Если он сможет идти, то сможет, нет, значит, нет. Сможет выйти... а не сможет, так просто вернется и ляжет. И будет ждать.

Встать на ноги оказалось делом совсем непростым. Снейп долго елозил задом по кровати, а когда рывком поднялся, комната тотчас поплыла, и он кулем свалился на пол. Лежа возле кровати, он сообразил две вещи. Первая — Энни нет дома. Если только не брать в расчет, что она караулит его за дверью и смеется в ответ на его поползновения. Вторая — если бы он ударился головой, эта попытка бегства бы его последним осознанным в жизни поступком.

Теперь пришлось подниматься с пола. Снейп ухватился руками за кровать, которая норовила ускакать, кое-как встал на разъезжающиеся колени, постоял так, тяжело дыша. Самая здравая мысль, посетившая его, была «И куда ты собрался?», но он тут же сделал вид, что мысли не было, и продолжил подниматься.

В конце концов, ему это удалось. Пошатываясь, он стоял, пытаясь сфокусировать взгляд на чем-то одном и не упасть снова. Пол раскачивался, как палуба.

Снейп подумал, откуда ему знакомо это слово. Никаких ассоциаций, кроме качки, не приходило на ум, и он плюнул, повернулся, держа голову неестественно прямо, и, размахивая руками, пошел к двери.

«Как она открывает эту дверь?» — думал Снейп все то бесконечное время, пока шел. И досадовал, что совершенно не обратил внимания, как Энни открывает дверь изнутри, когда сама находится в комнате. Ручки нет, но что-то должно было быть на случай, если все пойдет не так.

Снейп доковылял до двери и оперся на нее руками. Плотное дерево, теплое, крашеное, именно крашеное, не мореное...

Сначала он даже не понял, какой глубокомысленный вывод сделал и из каких колодцев подсознания выплыло это знание о способах обработки дерева. Снейп тяжело дышал, но ощупывал дверь так тщательно, будто в ней были спрятаны сокровища. Но если и были, то не про его интерес. Снейп прислонился к двери лбом и сделал последнее усилие на уровне собственных бедер, потом замер, свесив руки. Дверь была, а выход — нет.

Он с тоской подумал о пути до кровати, развернулся, с силой облокотился о дверь и вдруг почувствовал, как она мягко спружинила.

Снейп замер. Дверь спружинила снова, щелкнул замок. Снейп постоял, подумал и еще раз приложился о дверь всем телом. Эффект был точно такой же, как и в первый раз — и Снейп, уже не испытывая терпения счастливого случая, повернулся и ухватился за открывшуюся дверь обеими руками.

Этот принцип — нажать, чтобы открыть — ему тоже, как ни странно, был знаком, и снова он не стал искать объяснений. Его первоначальная догадка или, сказать точнее, надежда, что память подскажет путь спасения сама, подтверждалась или оправдывалась. Энни не было дома или она так крепко спала, что ничего не слышала, путь был свободен, оставалось его пройти до конца.

Снейп выглянул в коридор, поприветствовав кромешную тьму. Стоять ему было все сложнее, в ушах нарастал шум, а шея, закованная в тиски, опять заныла со страшной силой, но он терпел. Несколько раз моргнув, он решил, что этого достаточно, и шагнул в коридор.

В доме была тишина. Снейп прислонился к стене и долго стоял, приходя в себя и

прислушиваясь. Где-то еле слышно журчала вода, и из его собственной комнаты доносилось тиканье часов. К часам он настолько уже привык, что сейчас открыл для себя этот звук будто снова, и он оглушал своей простотой и неотвратимостью. Но ни дыхания, ни храпа, ничего больше, как в склепе.

«Это место, где хоронят», — определил Снейп. И тут же решил, что его хоронить еще рано. Что бы там ни говорила Энни о нем, или же не о нем, а о ком-то из своих фантазий, — он был непрост.

В конце концов, он умирал и выжил один раз, значит, сможет сделать это снова.

Снейп пошел по коридору, хватаясь за стены и всматриваясь в светлые пятна. То ли картины, то ли зеркала, то ли отблески... или видения. Потом он пошел на ощупь, ведя левой рукой чуть впереди, и очень скоро наткнулся на дверной косяк. Сообразил он это не сразу, толкнул рукой дальше, и дверь подалась, Снейп навалился на нее всем телом и рухнул.

Сколько он пролежал без сознания, он не знал.

Очнулся он от собственного крика и невыносимой боли в шее и решил, что умирает. Что голова оторвалась от падения, и все, что он видит и ощущает, уже агония. «Дурак, дурак, дурак!» — орало то, что еще оставалось у него внутри — разум или душа, но это что-то бесновалось, проклиная своего хозяина.

Инстинкт выживания толкал Снейпа вперед, и он полз, вползал в эту новую комнату через боль и крики.

Через некоторое время к нему вернулась способность соображать. Прямо перед дверью стояла кровать, точно так же, как она стояла в комнате самого Снейпа, только окно было с другой стороны, и в него светил уличный фонарь, слабо, но рассмотреть было можно. Снейп подобрался к кровати и, хватаясь за ножки и спинку, начал вставать.

Несколько раз он с грохотом падал, орал своим сиплым голосом, срывая горло и вызывая все новую боль, но не прекращал своих попыток. Чтобы не сорваться, он переключался на ту боль, которая в данный момент была слабее: или горло, или бунтующий желудок. Зачем он это делает, он объяснить себе не мог, но успокоился только тогда, когда, шатаясь, почти теряя сознание в очередной раз, он выпрямился и посмотрел на кровать.

На ней спала женщина. Удивительно, но она не проснулась от шума и криков, и Снейпу пришла в голову мысль, что это еще одна жертва Энни. Блондинка, длинные волосы, разметавшиеся по подушке, лежала вниз лицом, довольно хрупкая, и руки ее терялись в безразмерной ночной рубашке.

Снейпа пробило с головы до пяток холодным потом. В своей решимости удрать он даже не сообразил, что совершенно голый, холод, если он и был, отступил на задний план, и, если бы не эта женщина на кровати, он так и выбрался бы, если бы, конечно, смог, на улицу в чем мать родила. Нет, тело среагировало на женщину так, как ему было положено — никак, но Снейп мысленно закрутил головой в поисках, чем бы прикрыться.

Женщина была накрыта еще и пледом, и Снейп, уцепившись левой рукой за спинку кровати, правой принялся стягивать плед. Женщина не просыпалась, Снейп хрипел от натуги, но в итоге плед оказался у его ног, оставалось только как-нибудь им обмотаться.

Снейпа мотало как пьяного, голова отказывалась соображать. Он боялся отпустить кровать, боялся выпустить плед, боялся, что его услышат, хотя разум и пытался достучаться — в доме никого нет, кроме него самого и этой беспробудным сном спящей женщины, еще одной жертвы. С упрямством, достойным лучшего применения, Снейп обматывался пледом и, в конце концов, остался доволен полученным результатом. Видеть его он не мог — мешал

проклятый ошейник, но чувствовал, что плед, по крайней мере, не падает.

Снейп сделал шаг, все еще не выпуская спинку кровати, и тут же наступил на волочащийся конец пледа, не поняв, что случилось, сделал следующий шаг и снова наступил, и плед послушно сполз на пол.

Снейп подумал и плюнул. Голый так голый, главное, что не холодно.

Он добрался до конца спинки, постоял и безвольно шлепнулся на женщину, отдавая себе отчет, что именно так его Энни и найдет. В чужой постели, голого, голодного. Но ему на это было уже наплевать. Он устал.

И долгое время он лежал, пытаясь уловить дыхание женщины. Потом протянул руку, ощупывая чужое тело. Оно было мягким, даже чересчур, холодным, будто неживым.

Снейпа прошибло новой волной пота. Он приподнялся, издав при этом страдальческий стон — держать изнеможенное тело на весу, да еще и то и дело взрывающуюся болью шею, было на грани его выносливости, — но он все-таки принялся изучать эту женщину дальше. И чем дольше он этим был занят, тем настойчивей прогонял от себя страшную мысль.

Она уже труп.

Потом он подумал, что запаха нет, и, вероятно, это какие-то заклинания или зелья. Или проклятье, или еще что-нибудь, и опять память услужливо подсказала слово «сказка». В сказках было такое — беспробудный сон на сотни лет, вот только можно ли было назвать сказкой тот кошмар, в котором он находился?

Снейп решил, что ему не везет. Потом он выкинул из раскальвающейся головы бредовые мысли о паранормальном и вернулся к реальной жизни. Никаких сказок и спящих белокурой принцесс, просто покойница. Без запаха — мумия? Снова слово из прошлого, без конкретного значения, просто слово, которое он когда-то знал. Чучело? Память поморщилась — это было немного не то.

Но зачем Энни труп? Или все-таки...

Все-таки это был труп, Снейп убедился в этом окончательно, когда нащупал руки, тонкие, безупречные, твердые, нечеловеческие, отшатнулся и тут же свалился с кровати, снова потеряв сознание от усталости и боли.

Когда Снейп пришел в себя, то обнаружил, что крепко сжимает в пальцах чужую руку, а на полу валяются белокурые волосы.

Задышавшись от собственных стонов, он опять поднялся и сел, прислонился к кровати, успокоил, как мог, рассудок, оравший и бившийся дикой птицей, рассмотрел руку и волосы. Нет, это был не человек, а лишь его не слишком умелая копия, и Снейп знал, что это такое — парик и рука от манекена. Он только не знал, зачем Энни сделала это: в расчете на то, что он решит прогуляться по дому, или здесь действительно была другая несчастная жертва, а теперь от нее осталась только иллюзия, кормящая сумасшедшую. Такая коллекция из исчезнувших людей.

«Она меня прикончит, — обреченно подумал Снейп. — Как эту женщину, потом скормит свиньям тело, а в комнате поселит руки и кучу тряпок, на которые напялит парик. Из меня сделают чучело».

Но что-то ему показалось странным, что именно — понять он не мог и сидел, стараясь отвлечься от боли и страха и разобраться. Что-то было таким очевидным и ясным, и надо было только его увидеть в свете уличного фонаря.

Неожиданно Снейп понял, что фонарь ни при чем. Просто в этой комнате жили. Она была жилой, пахла, как жилая, а женщина на кровати...

Снейп накапливал силы для последнего рывка и жадно таращился в полутьму.

Шкаф. Совершенно обычный на первый взгляд, но нужно проверить, что там. Стол, почти пустой, только лежат какие-то книги. И стойка... как будто кухонная, рассмотреть ее не удавалось. Два стула. Что-то было и со стороны окна, но Снейп был лишен возможности поворачивать голову.

Если это комната Энни, а очень вероятно, что так и есть, то здесь он не только найдет ответы — он сам останется здесь. Он собьет ее с толку так же, как сбил — он не помнил, кого, но помнил, что личность довольно примечательную и опасную, — и, возможно, ему удастся выиграть и в этот раз. Энни отмечала ту его победу так восторженно, что Снейп позволил себе допустить: тот враг был куда сильнее самой Энни.

И Снейп поднялся, медленно, теряя ориентацию в пространстве, борясь с болью во всем теле, которая была уже не волнами — от отсутствия до приступов, а привычной и сводящей с ума пыткой. Если бы он был в состоянии собрать сейчас ком взрывов в голове в нечто связанное, то подумал бы, что Энни его и приговорила, и одновременно спасла теми своими словами. Но все свои остатки сил и воли Снейп бросил на то, чтобы дойти и выжить.

Стол был на расстоянии вытянутой руки и вместе с тем бесконечно далеко. Чем дальше Снейп шел к нему, тем больше пройти ему оставалось.

— Нет, нет, нет, нет, — уговаривал себя Снейп. — Нет.

Если там есть палочка — а у него ведь получилось заклинание — он выживет. Если там палочки нет — он выживет все равно.

Энни говорила что-то про зелья. Он был зельеваром, и пусть тогда Снейп ей не поверил, но в ее словах могло быть столько же лжи, сколько и правды. Он вспоминает, пусть не в деталях, скорее в образах, не в смысле, а в значении, и может быть, он сможет понять, что сделать из того, что он найдет, или с тем, что он найдет. Главное только — дойти.

И Снейп шел, бесконечно долго и упрямо. Чем ближе он подходил, тем отчетливее различал: на стойке, которую он принял за кухонную, были палочки.

Он мог колдовать без слов, у Энни не было его палочки, та, которую она ему приносила, была чужая, но здесь палочек было множество. Возможно, Энни сознательно не дала ему его палочку. Если он был волшебником... Почему был? Он им и остался! Значит, она опасалась, что с собственной палочкой он для неё слишком опасен.

«Вы никогда не сдавались так быстро».

«Акцио, Авис, Нокс, Портус, Репаро...»

«Люмос».

Если бы Снейп еще знал, что все эти слова могут значить, но он не знал и не мог даже вспомнить. Единственное, что он хоть как-то смог сообразить, это то, что все эти заклинания были неопасны для Энни. Она просто хотела проверить, может ли он колдовать.

Хрипя, Снейп оперся на столик и протянул руку. Он задыхался, голод давно уступил место жажде, перед глазами стояли разноцветные круги, в ушах громыло. И первую палочку он уронил.

Подумал и не стал наклоняться, это требовало слишком много сил. Палочек было очень много. Были книги, но Снейп даже не пытался их посмотреть, отдавая себе отчет, что ничего в темноте и в своем состоянии не увидит. Он сосредоточился на палочках, только на палочках и на них одних.

Он сжал еще одну, вытащил ее из пазов, несколько раз вздохнул, разрывая горло сухим кашлем. Говорить он не мог, поднять руку тоже, поэтому просто подумал.

«Акцио!»

Ничего.

«Авис». В прошлый раз именно это сработало, Снейп не знал, разумеется, как, но Энни метнулась к окну, радостно при этом вопя. У него получилось, но не сейчас. И он продолжал.

«Нокс!»

«Люмос!»

Снейп отбросил палочку и взял еще одну. Стоять он уже больше не мог и мешком осел на пол.

«Нокс».

«Люмос».

За окном что-то мелькнуло, блеснуло. Снейп решил, что ему показалось, и поэтому повторил.

«Люмос».

Определенно, за окном мелькнул свет. Если и были какие-то звуки, то он их не слышал, но эта палочка ему подходила.

Снейп сжал ее в руке и вытянул ноги. Он не мог больше двигаться, его трясло, голова кружилась так беспощадно, что пришлось закрыть глаза, в горло насыпали раскаленный песок, голову отрубили и прибили обратно.

«Я умираю, — подумал Снейп. — В какой-то очередной раз».

Время шло, вспышек больше не было, зато раздались шаги. Снейп больше почувствовал их, чем услышал, и поднял палочку, направив ее в сторону двери.

Шаги замерли на пороге.

«Нокс».

Шаги.

«Нокс».

Шаги все ближе.

«Нокс».

А потом Снейпа поглотила блаженная освобождающая боль.

4. Жрица

Снейп лежал в объятиях чучела женщины, и светлые волосы надоедливо лезли ему в лицо. Убирать их Снейпу было лень.

Из окна проникал свет и тоже надоедал, Снейп щурился, но шевелиться не хотел. Не хотел он и разговаривать, только дышал, но боли не было, как и усталости. Он чувствовал на голове шишку и даже, кажется, запекшуюся кровь, но вместе с тем ему было комфортно — насколько, конечно, о комфорте можно было говорить в его плачевном положении. Тело было расслабленным, только немного мучила жажда.

— Вы плохо спите, Северус. Очень плохо, и мне приходится давать вам лекарство. Вы бы назвали это «зельем» — зелье Сна без сновидений. У него есть нехороший побочный эффект: если начать его принимать, то уже невозможно заснуть без него. Как жаль.

Снейп не видел Энни, но голос слышал откуда-то справа, оттуда, где теперь была капельница: там мелькало яркое рыжее пятно.

— Я не виню вас, Сев, — весело болтала Энни. Она возилась где-то у стойки с палочками. Потом Снейп почувствовал, как Энни подошла и отсоединила иглу от его руки. — Я виню только себя. Уехать и забыть покормить вас — непростительно. Но да, я такая... легкомысленная. Иногда.

Снейп поздравил себя с новой Энни. Насколько очередной вариант плох или, напротив, хорош, он пока не определился.

— Сейчас я сделала все: покормила, напоила, вы выпались... Вам нравится эта комната? Вы считали, что она моя, да? Но нет. В ней жила одна тень. Уходить не захотела, вам придется делить с ней постель, пока я не сочту нужным ее вышвырнуть. А как вам палочки? Что-нибудь получилось? Но здесь все равно нет вашей...

Энни несла счастливую чушь, а Снейп ждал, когда она снова сорвется. Он был уверен, что его прогулку безнаказанной она не оставит, что через минуту, через десять или через час ему придется ответить за попытку спастись.

— Книги, Сев, ты увидел книги? Зелья, как же я их любила! — Похоже, Энни развлекалась, как девочка. — Зелья и заклинания. И «Волшебные твари и где их искать»... Знаешь, я даже на тебя не сержусь. Наверное, я бы тоже не выдержала в одиночестве, это ужасно. Ужасно... Темный дом, никого нет, тишина и призраки... Страшные, неосязаемые призраки.

Энни села с правой стороны кровати. Снейп не мог повернуть голову, да и не очень хотел. Ему было слишком хорошо по сравнению с тем, что он испытывал раньше, настораживала только Энни — рыжая Энни. Слишком спокойная и неправильная, усыпляющая, как затишье перед бурей.

— Тянут холодные незримые лапы... Скажи, Сев, ты ведь не сердись на меня? Я ударила тебя кочергой. Я подумала, что кто-то забрался в дом.

Энни стащила со Снейпа белокурый парик, бросила его на пол и принялась перебирать его собственные волосы.

— Я всегда думала, почему ты такой... Наверное, причина всему — твои зелья. Испарения. И твоя бледность, и нездоровый вид. Я не смогла бы жить в ваших подземельях, как здорово, что Шляпа отправила меня на другой факультет.

«Какая еще шляпа?» — раздраженно подумал Снейп. Болтовня Энни начинала его утомлять, но он терпел и не решался проявить характер.

— Стоило бы помыть тебе голову, но нет, не сейчас. Ты еще слишком слаб.

Снейпу смертельно захотелось заснуть. Отчего-то ему показалось, что сон окажется спасением от гнева Энни: он пропадет, а она, быть может, забудет обо всем, что было этой ночью. Он решил, что она накачала его чем-то, полностью подавляющим волю, потому что он не столько боялся, что было бы совершенно естественно, сколько был ее присутствием раздражен, но даже издавать подобие недовольного мычания ему было неохота.

— Сев, а может быть, мы уедем? — вдруг прошептала Энни. — Далеко-далеко, туда, где нас никто не найдет. — Она поднялась, чем-то загремела, потом обошла кровать и встала прямо перед лицом Снейпа. — Смотри, что у меня есть.

То ли в ярком свете, то ли от избытка лекарств Снейпу показалось, что у Энни действительно ярко-рыжие волосы. Выглядела она не очень естественно, как молодящаяся дама средних лет, а прическа ее напоминала старое воронье гнездо.

В руках она держала кочергу.

— Если бы я ударила тебя чуть сильнее, я бы тебя убила, — просто заявила Энни. — Мне стоило больших усилий правильно рассчитать удар. А ты меня даже не видел — ты махал в мою сторону палочкой и, наверное, проклинал. Какие заклинания ты знаешь, а, Сев? Расскажи мне.

Энни села.

— Расскажи, — капризно попросила она, а кочерга угрожающе ткнулась Снейпу в нос.

Откуда-то возникло изображение: красные угли, пламя, раскаленная кочерга. Снейп уже где-то это видел, но как-то так, издали, со стороны. Он подумал, может ли подобное прийти в голову Энни, и решил, что — да, может. Только надеялся, что не придет. Он не был готов к таким пыткам. Ему было лень кричать и чувствовать что бы то ни было.

Энни тем временем вспоминала какую-то чушь.

— Мы были хорошими друзьями. Мы играли, мы колдовали. Ты говорил, что нам ничего не грозит, и нам и правда ничего не грозило. До тех пор, пока...

Снейп не слушал, только морщился, когда кочерга ненавязчиво утыкалась ему в лицо. Ярко-рыжая Энни была похожа на ведьму.

А она начала водить пальцем по груди Снейпа, сначала поверх одеяла, потом просунула руку к голому телу. Снейп уже не сомневался, что игривое настроение Энни — прелюдия к чему-то очень скверному, но Энни только выписывала на его коже знаки или буквы. Больше всего ему хотелось оттолкнуть ее и наорать — пошла вон, проваливай, ты меня утомила своей трескотней, и перестань меня трогать.

Снейп не знал, врет она или нет, умеет ли она колдовать или нет, да и временами начинал сомневаться, умеет ли он. Что все эти палочки — только игрушки, а все остальное — бред больного воображения. Энни рассказывала о детстве захлеб, как об очень дорогом воспоминании, а Снейп думал, что все это тоже похоже на ложь. В остатках его памяти было все что угодно, только не Энни.

И не колдовство.

Энни стянула со Снейпа одеяло, какое-то время подумала, неотрывно смотря на его голую грудь. Потом она встала и обворожительно улыбнулась — или, по крайней мере, она так считала, Снейп же внутренне задрожал.

— Я сейчас приду.

Не было ее довольно долго. В прошлый раз ее отсутствие закончилось нервным срывом, и хорошо, что не у самого Снейпа. Тогда он выдержал, сейчас ему было все равно, только бы стояла тишина и никто не копошился рядом. Откуда-то были слышны подозрительные побрякивания, и, когда Энни появилась в комнате, Снейп понял, что худшее еще впереди. Так просто и так быстро она сегодня от него не отвяжется, и долгожданного покоя ему не видать.

— Ты небрит, Северус. Надо это исправить.

Снейп вспомнил про пеленки, которые Энни заботливо подкладывала под него. Сейчас они были бы кстати — он с трудом, не зная, лежит ли что под ним сейчас, удержался от произвольного мочеиспускания, потому что Энни поставила на прикроватный столик металлический поднос, на котором были тазик и опасная бритва. Жажда покоя была тут же сметена проснувшимся инстинктом самосохранения.

«Господи, — взмолился Снейп. — Пожалуйста. Господи, я очень хочу жить».

Энни села на кровать. Рыжие лохмотья совсем закрывали ее лицо, и что она вообще в состоянии видеть, Снейп не знал и даже думать не хотел, какая часть его тела будет невзначай отрезана. Что он вряд ли переживет бритью и останется в целости и сохранности, он уже не надеялся, наивно рассчитывал только, что будет не слишком больно или что он сразу же потеряет сознание.

Энни бережно готовила его к процедуре. Иногда она касалась его лица настолько нежно, что Снейп готов был орать от ужаса, но чаще просто пыталась открутить ему голову, что было больнее, но логичнее. «Логика, — думал Снейп, — не надо ее искать. Иначе самому можно спятить».

Он все еще был жив и цел. Он был готов продлить это состояние, только не знал, каким образом. Мозг орал «беги и спасайся», тело возражало — «бессмысленно, лучше быстрый конец, чем долгое его ожидание».

Энни зашипела каким-то цилиндриком в руке и обмазала Снейпа пеной так щедро, что он и сам перестал что-либо различать. Зато он услышал, как Энни раскрыла бритву, почувствовал, как она поднесла её к лицу, и затаил дыхание, ежесекундно готовясь к неотвратимой неизбежности.

Страх был только страхом боли. Снейп не понимал, что значат эти его «приливы», как он их назвал: следствие приема каких-то странных снадобий или иная реакция организма, а возможно, произнесенный пусть и про себя приговор переставал казаться пугающим. Если тебя сажают на электрический стул...

Говорить. Наша главная задача — говорить с ними, иначе они сойдут с ума.

Снейп вздрогнул, Энни вовремя отняла бритву.

— Осторожней, Сев, — капризно укорила она, — иначе останешься без носа. Без своего длинного, всюду сующегося носа.

Снейп еще раз повторил: «Говорить с ними, иначе они сойдут с ума». Он слышал эту фразу, а быть может, читал, но он знал ее там, в потерянном прошлом, и в том прошлом она была каким-то важным рецептом благополучия. Ни кому было положено говорить, ни с кем, ни почему кто-то должен был сойти от чего-то с ума, память ответов ему не дала, но он в очередной раз получил благословение от собственного подсознания.

Энни заботливо чиркала бритвой по его лицу.

«Меня ведут на казнь. Не знаю, что я сотворил и был ли тогда в рассудке. То, что произойдет, вопрос лишь только времени. Сейчас, или через секунду, или через четверть

часа, но оно неминуемо. Я это знаю. Пока мне не больно — но я не почувствую боль и потом, я просто знаю, что не почувствую, потому что в тот момент, когда все кончится, меня не станет. И это будет хорошо».

Энни перебралась на другую сторону его лица. Снейп с незнакомой самому себе покорностью готовился уйти в мир иной.

«Никто не знает, что испытывают приговоренные в тот миг, когда совершается казнь. Иногда они спокойны, иногда они торопят своих палачей. Но палач профессионал, он точно знает, в какой момент опустить руку...»

Энни на секунду прервалась и сбросила с кровати чучело, оно упало на пол с глухим стуком и шелестом тряпок. Снейп не хотел открывать глаза. Все то же воспоминание подсказало ему, что тем, кого ведут на казнь, закрывают глаза, чтобы не видеть их страха. Или наоборот, но ему не хотелось видеть занесенное над ним лезвие бритвы.

— Ну, вот и все. Можешь открыть глазки!

И Снейп услышал, как Энни закрыла бритву и отложила ее в сторону.

Ничего не произошло. Это казалось бредом, и Снейп подумал — быть может, у нее бывают просветления? Или настроение у нее сегодня такое, что ему повезло. Или, может...

Да, определенно, решил он, настроение. Это было всего лишь успокоением, не имеющим с истиной ничего общего, но Снейп уже понял, что иногда лучше сделать вид, что истины не существует, и приоткрыл один глаз, потом второй.

Энни, продолжая улыбаться, водила теперь руками по его груди, все ниже и ниже, игриво стягивая одеяло, вот она уже добралась до живота. «Она положила бритву, — мелькнула мысль, — только не для того, чтобы ее взять именно сейчас?»

Но нет, ей было не до бритвы. Продолжая наглаживать Снейпа, она принялась расстегивать свое бесформенное платье. Делала она это медленно, нарочито медленно, дразня и не отрывая от Снейпа жаждающего взгляда.

Потом ей надоело, и она перестала тискать обессиленное тело, быстро расстегнула платье, встала, расстегнула его до конца и уронила на пол. Перед Снейпом была женщина если не в возрасте, то определенно за собой не следившая и оттого казавшаяся старше, рыхлая, бледная и абсолютно голая. Начиная от пупка, насколько мог видеть Снейп, шла редкая и вместе с тем обильная поросль темных коротких волос.

Энни выпятила вперед обвисшую грудь с расплывшимися, мягкими розовыми сосками и посмотрела на Снейпа.

— Ты всегда хотел этого, Сев, разве нет?

Снейп был готов поспорить на что угодно, что она ошибается, но он помнил о бритве и выдавил из себя ответную улыбку.

— Вот и хорошо.

В следующий момент он издал неприличный звук, потому что Энни с неожиданной ловкостью вскарабкалась на кровать и уселась прямо ему на пах.

— Сев?

Одеяло было как раз где-то там же, где и тяжелый зад Энни, может быть, чуть повыше. Снейпу это не нравилось, Энни тоже, и она заелозила, подсакивая и вытягивая одеяло.

Снейп был голый — к этому состоянию он начал уже привыкать, как дикарь. И он отдавал себе отчет, что обычно происходит между голым мужчиной и голой женщиной, и признавал, что полностью голыми для этого процесса быть необязательно. Он даже помнил, как он должен быть к процессу готов, но совершенно безразлично отнесся к тому, что

готовности не было. Хотя все то же вредное подсознание тут же напомнило: его реакция неправильная, какая бы образина ни трясла перед носом мужчины сиськами, а уж тем более — ни терла бы о вялый член промежностью, отсутствие природой предназначенного прилива крови к нужному органу для любого мужчины — повод для паники. А он накачан какой-то непонятной гадостью, его пытается соблазнить неприятная, неухоженная, дурно пахнущая женщина с нездоровой психикой, он в стрессе, ему все равно.

Снейп взвешивал все за и против и склонялся к тому, что черт с ним, с приливом крови, и с тем, что он равнодушен к собственному падению. Те, кто истерил по похожему поводу — а внезапно Снейп вспомнил, что повод был нередко причиной даже для самоубийства, — просто сами не ходили по краю.

Снейп ходил. Тем более что пока он предавался размышлениям, Энни потихоньку свирепела. Она уже не поглаживала его грудь и живот, а царапала, и вжималась что есть силы в его пах и терлась, издавая при этом не то стон, не то рык. Снейп тоскливо смотрел на ее усилия. Лицо Энни покраснело, исказилось, рыжие волосы съехали набок, открыв серые, блеклые, ее собственные.

Снейп закрыл глаза. «Пусть делает, что хочет, — безразлично подумал он. — Я устал». Устал он в том числе от воспоминаний, приходивших так вовремя и так некстати. Их было иногда слишком много, Снейп не знал, как их объяснить и что с ними делать. Прежняя жизнь просыпалась в нем, только не давала главный ответ: кто он и что он тут делает, как ему быть и как спастись, прекратив этот ужас.

Энни встала, на лице ее была написана неудовлетворенность.

— Сев, что это значит? — раздраженно спросила она, поправляя свою рыжую копну. — Ты эмоционален, в тебе бездна страсти. По крайней мере, была. Я знаю, что ты не чурался борделей, и только надеюсь, что это... — Она вдруг всхлипнула. — Сев, это может быть последствием твоего ранения. Яд, все этот яд, ну конечно...

Снейп закрыл глаза. Яд так яд, пусть вешает вину на что угодно. Он и так чувствовал себя как оплеванный.

Энни протяжно застонала, замотала головой, потом аккуратно пристроилась на кровати рядом со Снейпом. Она была горячее, неприятно пахла и прижималась так развратно и откровенно, что он подумал — за кого она себя выдает?

И тут же его пробила догадка. Спасение, иначе он не мог назвать то, что произошло.

«Сначала использовала свои женские чары... знаете, есть такие малолетние шлюхи».

«Что такого было в ней, в этой женщине, почему столько лет она травила вас даже из преисподней?»

Его тело оказалось умнее разума. Его тело, обессиленное то ли ядом — каким, к черту, ядом, — то ли немочью, то ли, что вероятнее, все-таки средствами Энни, его спасло, а она не поняла настоящую причину его слабости.

«Вы — смелый, отчаянно смелый человек. Пронесший через всю свою жизнь любовь к недостойной вас женщине».

Снейп невольно застонал, едва себя не выдав.

Энни сейчас притворяется этой недостойной. Рыжей развратницей, и она ждет, что он исполнит свою мечту, пусть Снейп никогда о подобном не думал ни в отношении этой неизвестной девицы, ни тем более Энни. И если он исполнит, ему конец, уже по-настоящему, пощады не будет. Он помнил, что привело Энни к срыву — именно эта соперница, умершая много лет назад и так и не давшая ему никакого шанса. Снейп не знал

ее имени, память молчала, и это могло значить, что он на самом деле никогда ее не знал.

Но был и второй вариант — Энни не была сейчас собой, она была этой рыжей и добивалась Снейпа всерьез. Угадать ее намерения значило отсрочить исполнение приговора.

Делать вид, что немощен и слаб, или все-таки постараться и?.. Снейп не знал, что правильнее.

— Поцелуй меня, Сев...

Снейп вернулся в реальность: голый, измотанный, рядом — голая жаркая женщина, водящая рукой по его члену. И тут же Снейп признался себе — она делала это хорошо, и если закрыть глаза, то можно представить, что это кто-то...

— Ох, Сев...

Энни навалилась на него сверху и впилась в его губы. От неожиданности Снейп сжал челюсть так, что прояви Энни чуть больше ловкости и поторопись, она осталась бы с серьезными травмами языка. Пусть она мучила его несчастную плоть, но целоваться с ней он себя заставить не мог.

Энни поняла это по-своему.

— Тебе мешает корсет. Я сейчас.

Снейп не знал, способна ли возбужденная женщина на здравые мысли и точные действия, и не горел желанием это проверять. Он не знал, что с его шеей, и не был уверен, что без корсета ему будет лучше. Но промолчал. Все, что происходило, его воле не подчинялось.

«Сон, который снится в ясный день. Если я зажмурюсь и открою глаза, я проснусь».

Он и сам себе поверил, но это оказалось не сном. Он ошибся.

— Ну же, Сев. — Голос Энни звучал очень по-деловому. — Я не сделаю тебе больно, поверь.

Пока Энни лишь пугала его, но не причиняла ему вреда. Снейп открыл глаза и увидел, как блеснуло лезвие бритвы.

— Я просто разрежу бинты, — пообещала Энни.

Может быть, у нее действительно наступило просветление. Может быть, она сейчас была настоящей — нормальной, и действительно хотела просто секса. Может быть, она отдавала себе отчет, и руки у нее не дрожали. Снейп зажмурился, он хотел перестать думать — так было проще всего — и перестать дышать. Будто он уже умер.

Лезвие царапало по шее, по корсету, но нервам, и если бы Снейп мог, он бы заорал, облегчая напряжение. Но он не мог — и потому, что опасался худшего, и потому, что кричать было слишком утомительно. Один надрез, другой, третий. Каждый раз, когда Энни отнимала бритву, он ждал, что она размахнется и ударит его в лицо, и ожидание было невыносимо.

Бритва звякнула о металл где-то в стороне, Энни завела руки Снейпу за шею. Легкое, почти не заметное движение причинило внезапно резкую боль, Снейп дернулся и почувствовал свободу. Потом он открыл глаза.

Энни рассматривала корсет, словно увидела его впервые. Снейпу показалось, что она и в самом деле не помнит, как упаковывала его в эту трубу, но...

Возможно, это была не она?

Или она, но настолько другая, что для нее не существует различий.

«Шизофрения», — сказала подсознание. Острое и опасное как бритва слово, и Снейп, не зная его значения, не сомневался, что оно правильное. Только им можно было объяснить

осколки, наклеенные на обратную сторону корсета. Битое стекло, слишком грубое, чтобы нанести настоящие раны, и слишком прочное, чтобы причинять боль и, несомненно, оставить следы и шрамы на коже. Отшлифованное битое стекло. Ювелирная работа сумасшедшего палача.

Снейп не понимал, почему еще не бьется в истерике, не бьет Энни, не пытается сопротивляться и сбежать. Потому ли, что его опять опоили чем-то, или потому, что у него и без этого не осталось сил, или потому, что он сознавал: не сопротивляйся, будет хуже. Энни ставила над ним какой-то адский эксперимент — над его телом и разумом одновременно.

«Или она сама — чей-то адский эксперимент».

Снейп поднял руку и коснулся шеи. Отшлифованные осколки оставили сильные рубцы, вмятины, истекающие сукровицей и, возможно, кровью, но сейчас, освобожденный, Снейп словно бы приходил в себя. Энни могла намазать осколки чем-то ядовитым... Зельем? Было больно, но не так, как раньше — до рези, будто он проглотил это стекло, а так, как бывает больно перед тем, как начать заживать. Как будто лопнул давно мучивший нарыв.

Но это издевательство не объясняло, почему он не мог говорить, и он все еще не мог как следует шевелить головой.

— Тс-с... тихо.

Энни швырнула корсет на пол и снова легла рядом с ним, обняла его за плечи, предусмотрительно не касаясь израненной шеи. Подождала, пока он немного придет в себя, потом потянулась к нему губами.

Снейп все равно не смог бы ответить, даже если бы хотел. Похоже, что закованная в тиски шея слушалась его еще хуже, чем тело, и рот невозможно было открыть более чем на полдюйма. Энни, пыхтя, просунула ему в рот язык и попыталась вовлечь в поцелуй, но Снейп только задергался — от неудобства. Ему стало окончательно все равно, что с ним делают.

Энни так придавила его, что единственным желанием осталось — вздохнуть, и желательно — свежего воздуха. Теперь у Снейпа не было никаких сомнений, что она легко могла дотащить его до этого дома откуда угодно — Энни вцепилась в его плечи с такой силой, что руки потеряли способность двигаться, причем в теле Энни не чувствовалось напряжения. И опять пришло на память странное — невероятная сила сумасшедших. Было ли это как-то подтверждено до него, Снейп не знал, но сам готов был присягнуть, если понадобится.

Но долго Энни не продержалась. Она вдруг встала, ни слова не говоря и вообще никоим образом не проявляя какого-либо влечения к своей жертве, так же молча подобрала свое платье, накинула его на себя, поправила рыжие лохмы и вышла из комнаты.

Ручка на этой двери была, и она тихо шелкнула, но замок не закрылся, дверь с тихим скрипом поехала назад. Из коридора доносилось шуршание, потом все стихло.

Время шло. С улицы были слышны только приглушенные редкие голоса животных и кудахтанье вездесущих кур. Потом зажурчала вода, а чуть погодя на весь дом разнесся низкий, утробный крик. Снейп сделал определенные выводы и пожалел, что упустил возможность в очередной раз попытаться сбежать, пока Энни мастурбировала в ванной. Он лежал, ощупывал шею, гадая, зачем Энни надевала на него корсет с шлифованными стеклами, и отчего ему так трудно говорить. Никакой связи между рубцами от стекол и болью в самом горле он не выявил.

Потом послышались шаги, и Снейп даже смог чуть-чуть приподнять голову. Энни не

обратила на это никакого внимания. Она была в сером немарком платье, волосы — ее собственные, сероватые и ничуть не чище, чем у него самого — собраны и заколоты под платок, и больше всего она напоминала строгую воспитательницу какого-нибудь церковного приюта столетней давности.

— Северус, — торжественно сказала она, — я в вас ошибалась.

Это могло быть таким ожидаемым началом конца.

— Вы излечились от страсти к ней. Возможно, никогда ее не желали. Я рада. Вы осквернили бы себя этой связью — грязнокровка, зачавшая от предателя крови.

Снейп впитывал новые, незнакомые ему раньше слова. Они определенно что-то значили для Энни, но ничего не говорили ему самому.

— Но есть кое-что, что меня тревожит... Ваше тело, Северус. Мужчина грязен, его плоть не подчиняется разуму. Ваша плоть не подчиняется желаниям, это плохо.

Снейп был не согласен — он считал, что вполне сможет с этим справиться, если, конечно, справится со всем остальным.

— Мы попробуем сварить зелье, Северус. Там на столе книги, в них достаточно рецептов. — Она подошла в кровати, сокрушенно покачивая головой, и села. — Думаю, вы сами поможете себе. Согласитесь, если вам не нужна она, — Энни выделила это слово, — вам нужна я. Та, кто вас понимает, любит и ценит. Любит и ценит настолько, что грешит против целомудрия и воздержания.

Снейп едва не покраснел, вспомнив, как далеко Энни продвинулась в этих грехах, и порадовался, что не зашла еще дальше. Если бы она возбуждала его не руками, а ртом, возможно, так крупно ему бы не повезло, несмотря ни на какие зелья, снадобья, проклятья и что угодно.

— Я согрешила, моя вина, — покаялась Энни. — Но сладок грех, а плоть так слаба. Спасите меня, Северус, пока еще не спасли себя.

Она наклонилась к нему и почти нежно провела пальцами по выбритой щеке, улыбаясь, протянула руку к прикроватному столику.

— Частица вас будет со мной, когда я снова стану грешить. Не спорьте. Разделим этот грех на двоих. Вас долго ждать, а это, — она наклонила голову, — со мной сделаете вы. Мне будет больно. Хорошо и больно.

Рука Энни сжимала бритву, глаза горели масляным блеском.

— Больно так же, как и вам. Я жду и я готова, я жажду этой боли. Скажите, а как сильно боли жаждете вы?..

5. ДЬЯВОЛ

На голову Снейпу лилась холодная вода.

Он предпочел бы вымыться чем-то погорячее, но Энни настаивала, чтобы он освежился — и теперь лила ему на затылок из кувшина холодную воду. Поэтому головы Снейп почти не чувствовал.

Сначала он едва удержался от крика, потом — от стонов, затем смирился, а потом просто привык. Он убеждал себя, что холодная вода — не самое неприятное и не самое страшное, что может случиться, особенно с ним и особенно здесь.

Душа не было. Ванной тоже не было — это мракобесие происходило в комнате, которую Энни назвала ванной лишь условно — в ней стояло жестяное корыто и пара тазов. Комната находилась внизу — это было важным открытием, хотя Снейп и не был уверен, что сможет повторить этот путь. Они вышли из комнаты, где Энни хранила женское пугало, а потом представляла собой нечто похожее уже для самого Снейпа, немного проши, спустились по лестнице, а дальше Снейп потерялся в бесчисленных шагах, которые он пробовал поначалу считать, и поворотах. Было ясно, что Энни просто водит его по дому, запутывая.

Во время этого путешествия на голове у Снейпа была несвежая наволочка, и видеть он ничего не мог, а возмущаться не осмеливался.

Здесь была — он вспомнил — стиральная машина, и она показалась очень старой, такая или очень похожая, кажется, была в его детстве. Громяхающая, огромная. Она не качала воду из водопровода, в неё воду заливали ведрами. Тем не менее, водопровод в доме был: Энни со своей неумемной и неунятой страстью дала это понять вполне определенно. И не только с холодной водой, если только Энни не была ненормальной настолько, чтобы заниматься самоудовлетворением в ванной с ледяной водой.

Энни решила вымыть Снейпу голову холодной водой. Снейп был рад — она выпустила из рук бритву, потому что руки ей были нужны для того, чтобы его мыть, и был бы куда радостней, если бы эта бритва оказалась в его руках. Тогда безжалостное чувство страха, выжимавшее его кишки все сильнее, с самого первого разговора с Энни, глядишь, и отступило бы.

«Трус, трус!» — надсадно кричала незнакомая женщина на краю подсознания, а Снейп мысленно отмахивался от нее, потому что его голову обволакивал мерзкий запах. Он предполагал, что шампуни пахнут куда более приятно, однако от его головы несло каким-то мерзким маслом.

— Это дегтярный шампунь, Северус, чтобы ваши волосы лучше выглядели. Вы, мужчины, не любите думать о такой мелочи, как уход за телом, — мурлыкала Энни, и её пальцы копались в волосах Снейпа.

Он стоял, наклонившись над корытом, и по голой груди и затекшей до смерти спине ползли мурашки. Здесь не было ничего подходящего, кроме таза, из которого вода вот-вот должна была политься на пол, а в кармане платья Энни — дальнем от Снейпа кармане — лежала сложенная опасная бритва. Пытаться бунтовать против потенциального шизофреника, у которого в кармане такое смертоносное оружие, да еще и ужасающей остроты, Снейпу не хотелось.

«Трус!» — снова кричала танцующая на осколках памяти безликая обвинительница, и снова холодная вода текла по черным волосам, смывая вонючую пену. Вода смывала шампунь, но не смывала тошнотворный запах дегтя.

«Что она от меня хочет?» — отстраненно подумал Снейп, имея в виду не Энни, а вопящую женщину. Сам он по здравому размышлению пришел к выводу, что вовсе не трус. По крайней мере, он держался, хотя бы внешне, когда ему угрожала опасность — та самая, которая сейчас заботливо дергала его мокрую шевелюру. Забота проявлялась своеобразно — Энни словно пыталась выдернуть из Снейпа все, что нащупывала на его голове, и от воплей его спасала морозная анестезия.

Энни укутала его голову полотенцем. Тонким вафельным полотенцем в глупый желтый цветочек — Снейп покосился краем глаза, когда Энни отошла, рассчитывая, что она повернется к нему задом. Длинные мокрые волосы все равно лезли к шее и лицу, и мерзкие ледяные капли текли под рубашку, мрачную черную рубашку, в которую Снейпа, как куклу, нарядила Энни. Он ощущал себя игрушкой в её руках. Безвольной, слабой и покорной игрушкой, умеющей только ждать, как в фильме ужасов.

Игрушкой, умеющей с собой совладать.

Было ли это доказательством слов Энни, что он обыграл какого-то волшебника? Значит, и тогда он был внешне покорен, слаб и безволен, но внутри у него была сила, которая ему помогла? Что за сила — чувства к этой рыжей развратнице или что-то еще?

«Никакая любовь тут не выход. Палочка, — подумал Снейп отмерзшей головой. — Мне надо найти палочку, ту, которая будет мне подчиняться».

Искать палочку в этой комнате было бесполезно, но Снейп все равно жадно всматривался в углы. Энни сушила его голову, а он мечтал, что она на мгновение ослабит бдительность, и тогда он сорвет с себя полотенце и придушит ее. И сбежит.

Он чувствовал в себе достаточно сил, чтобы это сделать, хотя и понимал, что придется ему нелегко. Он понятия не имел, где находился, как далеко были люди и как быстро Энни, если только он ее не убьет, сможет броситься за ним в погоню.

«Я должен ее обездвижить и запретить».

Снейп уже понял, что Энни водила машину, только вот не мог вспомнить, обладает ли этим навыком сам. Когда он пытался себе представить этот процесс, на память ничего не приходило, совсем ничего, и, судя по остаткам других воспоминаний, машина для него исключалась. Оставались только ноги.

«Я должен выбраться и бежать туда, где машина не сможет проехать. В лес?»

Но что было вокруг, он не знал.

Энни закончила вытирать его волосы. Снейп так и не вырвал у нее полотенце и не сделал даже попытки. Просто ждал, сам не зная, чего. Когда Энни отпустила его, он только покосился в ее сторону.

— Встаньте на колени, Северус.

Это было внезапно, но ожидаемо. Снейп исполнил эту странную просьбу, полагая, что Энни возбудила возня с его головой, а ему предстоит не самая приятная процедура. Назвать ее каким-то другим, более специфичным или интимным словом, он не мог даже про себя, а во рту уже заорали гадящие кошки.

«Меня стошнит», — вяло подумал он, но ошибся в очередной раз. Энни не собиралась заниматься с ним ничем интимнее расчесывания волос.

Удивительно, но это было даже приятно. Энни обращалась с ним с нежностью, которую

Снейп в ней не мог заподозрить. Она отделяла каждую прядь и проводила по ней расческой, задевая кожу головы, и, несмотря на унижительную позу, Снейп чувствовал что-то почти эротическое, но потом понял, что это не то.

Воспоминания. И к эротике они не имели никакого отношения — просто тепло, забота и дом.

Дом.

«Сев, сиди спокойно!»

Сев?

Снейп дернулся — так явственно прозвучал этот голос. Сев. Так называла его Энни-рыжая, то есть так называла его ее соперница, но...

Энни в ответ недовольно рванула его волосы, и Снейп снова замер, боясь спугнуть эту память. Он закрыл глаза и попытался вызвать воспоминание заново.

«Сев, сиди...»

«Дрянь! Тупая никчемная дрянь! Руки никуда не годятся!»

И плач. Это был тот же голос, что велел ему сидеть смирно. Снейп в этом не сомневался. Как ее звали? Эйлин. Так сказала Энни. Но нет, не Эйлин. Это имя он раньше не слышал — точнее, не знал никого, кто носил бы его.

Эвлин. Точно, Эвлин.

Его мать.

Кто тогда та самая Эйлин со странной фамилией Принц? Или, может, его все же подводит память?

Энни продолжала расчесывать его волосы, и Снейп понадеялся, что она увлечется этим надолго. Под ее мерные движения хорошо думалось.

Эвлин, у которой нет фамилии. А тот мужчина — его отец? Или, может, просто какой-то сожитель матери. И как звали его самого? Сев — Северус. А еще?

Снейп закрыл глаза. Мать расчесывает его. У него тоже были длинные волосы? Нет, разумеется, нет. Просто густые, и похоже, что вьющиеся. И в движениях матери какое-то торжество, словно ему предстоит...

Конфирмация. Снейп неожиданно ярко вспомнил епископа в праздничных одеждах и себя самого, будто со стороны. Он был все-таки уже не ребенком, но чувствовал себя словно дитя — растерянный, напуганный, не знающий, что сказать и сделать, хотя был уверен, что мать не единожды повторила ему все от и до.

Себ. Не Сев, Себ. Себастиан.

Снейп сжал кулаки, чтобы только не дернуться, в порыве злости не вскочить и не сбить Энни с ног за ее наглую ложь, но и внезапная сила, и отчетливое видение тотчас пропали, оставив место сожалениям (надо было вскочить!) и сомнениям. Может быть, это вовсе не та настоящая правда, а некий морок от зелий.

Объявшая Снейпа вслед за этим невыразимая слабость только укрепила его в подозрениях. Не все так просто, не все так однозначно, и нельзя поддаваться эмоциям, они могут быть лживы и опасны, и неизвестно еще, врала ли Энни, говоря о врагах.

Сумасшедшая или нет, но она действительно могла спасти ему жизнь. Он знает слишком мало, а точнее, не знает ничего, чтобы вот так скоропалительно делать выводы.

Северус, Сев, Себ, Себастиан, Эйлин или Эвлин, это все слишком похоже. Он мог сам представляться как Северус — мало ли, по каким причинам. Почему-то он вспомнил имя — Джек — и собственное удивление, когда узнал, что полностью этот Джек — Джейкоб, а

вовсе не Джон. Если Джек оказался вопреки всему Джейкобом, почему бы ему самому не назваться Северусом или вообще быть от рождения Северусом Себастианом. Или наоборот.

И конфирмация, напомнил себе Снейп, ничего не значит. У них была стиральная машинка — они не были оторваны от мира, не скрывались от людей, не летали на метлах и не отправляли почту совами. С чего он взял, что волшебники не могли жить церковной жизнью?

Энни выпустила из пальцев прядь волос Снейпа, как ему показалось, даже с сожалением, потом он услышал, как она отошла, но подниматься с колен не решился. Он отметил, что им попеременно владеет то апатия, то прилив сил, и списал это на зелья, сам не зная, почему. Вероятно, Энни все-таки что-то подмешивала в его капельницу, но Снейп не удивился этому предположению и даже не испугался. Во-первых, он знал, что горло у него повреждено не только снаружи адским ошейником, но и изнутри — хотя он и не понимал, как и чем, и знал, что есть иначе, кроме как через капельницу, не сможет. Во-вторых, он решил, что эти зелья имеют и положительный эффект, а именно — выносливость, которой, как он полагал, до беспамятства он не обладал. Там, где прежний Снейп сто раз бы умер, нынешний боролся до конца, и это значило, что стоит только подождать, пока наступит этот самый положительный эффект, перед тем, как предпринимать что-то снова.

Что он предпримет, Снейп знал. Он чувствовал себя гораздо лучше, уже не шатался так, как раньше, и единственное, что его сейчас беспокоило, была голова: наполненная странными образами и мыслями и совершенно замерзшая.

Сейчас он выждал, усыпляя бдительность Энни, или, по крайней мере, так думал.

Энни подошла к нему со спины, чем-то шурша, а потом надела на голову наволочку.

— Ну, Северус, не возмущайтесь, — с капризной ноткой попросила Энни. — Она чистая. Поднимайтесь, осторожно. И слушайте меня.

Снейп повиновался, стараясь успокоить застучавшее сердце и унять пробежавший по телу неприятный холодок. Ему показалось, что Энни его состояние может почувствовать, а то и услышать, и тогда, может быть, она скажет совсем не то, что задумала, а что-то, обещающее куда более серьезные неприятности. Или сделает. Он помнил про бритву.

— Искупление греха — раскаяние. Раскаяние требует чистоты, Северус. Чистота тела — чистота души. Вы чисты телом, но душа ваша — грязь. Знаете, как искупается грех. Северус? Болью и кровью. Вставайте.

Снейп поднялся. Неизвестно, чего хотела добиться Энни, но он явно не был ее речами воодушевлен.

— Осторожнее, я вас проведу. Давайте руку. Вот так, осторожнее, хорошо. Не бойтесь. Ваш грех — не ваша вина, плоть слишком слаба — сопротивляться искушению. Осторожно, тут порожек... И налево. Люди грешны, бог милостив к их грехам. Нужно каяться, Северус, и тогда обретете прощение. Искренне каяться.

Снейп едва не вскрикнул — так сильно Энни сжала его ладонь.

— И сюда, вот молодец. Сердце ваше очистится от скверны, разум обретет чистоту и веру. Знаете ли вы, что такое вера? Несомнения. Нет сомнений — есть вера, искренняя, как у младенца... Молитесь, Северус, и воздастся вам.

Энни остановилась. Снейп если и мог молиться, то только о том, чтобы она отпустила его руку. Хватка у Энни была железной, он не сомневался, что если попытается освободиться, будет только хуже.

— Нет ничего хуже, когда веру предадут, — объявила Энни. Снейп не видел ее лица, но выражение себе очень хорошо представил. Точно такое же, как было перед истерикой из-за рыжей ведьмы. — Вы предали мою веру, Северус, всего один раз. Но как же я была на вас тогда зла!

Снейп осторожно набрал в легкие воздуха.

— Я... не... мог... — как можно членораздельнее и убедительнее произнес он, пробуя горло. — Я... вас... не... знал...

— Оставьте, Северус! — театрально воскликнула Энни. — Вам не надо было меня знать. Вы солгали не только мне. Ваша ложь была во спасение, но разве это отменяет то, что вы лгали? Осквернили себя грязным словом, осквернили себя ради нее!

— Не-е-е... — жалобно проблеял Снейп. Он понятия не имел, о чем говорила Энни, и даже не представлял, что сказать в свое оправдание, не был он и уверен, что это чем-то поможет.

— Она. Этого. Не. Достояна! — выпалила Энни. — Никто не достоин вашей клятвы. Эта мразь Нарцисса тем более. Но вы разделили свою душу, вы совершили убийство, и непростительное заклятье легло на вас благословением. Вы создали хоркрукс, и вы остались живы.

Снейп под наволочкой выразительно закатил глаза, как бы готовясь свалиться в обморок. Энни не собиралась истерить даже по поводу неизвестной Нарциссы — судя по всему, это была совершенно не та рыжая ведьма, а кто-то еще.

— Где он, Северус? — требовательно спросила Энни. — Куда вы спрятали ваш хоркрукс там, на Астрономической башне?

Он понимал, что должен что-то ответить, но Энни говорила будто на незнакомом языке.

— Есть много версий, — продолжала Энни и с каждым словом все больше торопилась, как бы боялась опоздать. — Глупых, бессистемных версий. Что вы носили с собой антидот. Чушь! Чушь! Что вы не могли не знать, что Лорд убьет вас именно так. Чушь! Куда больше людей попадают под машины, но никто не носит с собой носилки. Даже носовой платок с собой носит не каждый. Потеря крови, какие-то иллюзии! Чушь! Все смотрят, никто не хочет видеть! Глупцы! Они низвергают вас. Они считают, что вам ничего не стоило обыграть вашего противника. Стоило! Он был силен, сильнее всех. Сильнее вас! Никто не имеет права уничтожать вашу великую победу над сильнейшим, опаснейшим магом современности. Он видел вас насквозь, Северус, и он был опытен, могущественен, мстителен и жесток. Вы были против него мальчишкой — но вы его обыграли умом! И его же оружием! Вы знали, что он знает, вы знали, что он вас не простит, что вам недолго осталось жить, и создали хоркрукс, вот в чем секрет вашего бессмертия. Скажите, где он, где он, я сохраню его как самую большую ценность в мире!

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Снейп представлял себе, как Энни брызжет слюной, и глаза ее остекленели, и лицо застыло маской. Возможно, она даже размахивала руками, а в руке сжимала бритву, но этого он не видел и был этому рад.

Ни слова из ее бессвязной речи он не понял.

— Вот оно, вот оно! Ваша тайна, ваш Непреложный обет, смерть старого интригана, все, что вы хотели, чтобы вас считали мертвым... и жить, все равно жить!

Энни замолчала. Где-то отчетливо заурчала вода в трубе.

— Вас считают мертвым, да, Северус. Вы мертвец для всех, кроме меня-а-а... Пойдем

Вот сюда, — и Энни спокойно взяла его за руку и повела куда-то.

Шли они долго. Снейп не вслушивался в ее бормотание: она говорила про какого-то старика, которого он, Снейп, убил, про непонятную школу, про лорда — Снейп был удивлен. Почему-то он считал, что в жизни не видел никого значимее мэра, а оказалось, если верить Энни, что он был накоротке с лордом. Где он взял этого лорда вообще? Почему не графа? Впрочем, двести лет назад лордами и маркизами тут назывался каждый второй, — ехидно сказала память.

Лестница, еще одна, Снейп ударился животом обо что-то, наверное, о перила. Было больно, он даже застонал и остановился, но Энни тянула его вперед. Он споткнулся несколько раз, и однажды Энни наградила его сильным пинком по голени. Снейп стиснул зубы и решил, что это все-таки не бритва, значит, можно перетерпеть.

Похоже, у нее опять начинался приступ, только в этот раз он был спровоцирован этим чертовым хоркруком.

«Что она хочет?» — раздраженно думал Снейп.

Они остановились. Пахло затхлостью и сыростью, и сначала Снейпу показалось, что они вернулись в ванную с древней стиральной машинкой, но нет. Щелкнуло что-то, судя по всему, замок двери, и Энни втолкнула Снейп куда-то, одновременно срывая с него наволочку.

Снейп от неожиданности рухнул на колени и услышал, как дверь за ним закрылась на замок.

— Посидите пока тут, Северус, — печально попросила Энни. — Я не хочу, чтобы вы причинили кому-нибудь вред. Вдруг вам опять взбредет в голову погулять по этому дому. Не надо этого делать.

Снейп пытался осмотреться в полной темноте. Как ни странно, но это ему удавалось — не зря же он шел столько времени в наволочке. И выходило, что в этот раз он оказался в самой настоящей клетке... или чулане, если называть вещи своими именами. Кровать, низкий потолок, протяни руку — и вот стена, а спина упирается в дверь.

— Не надо, х-ха-ха-ха, мой свежeweмытый друг!

И Энни истерически рассмеялась, удаляясь от двери.

Снейп поднялся, сел на кровать, неосторожно ударившись головой о низкий потолок, и поздравил себя с новым обликом Энни. Что она что-то замыслила в очередной раз, сомнений не было никаких.

«Бежать», — решил Снейп. Силы будут.

Он несколько раз моргнул, собираясь с мыслями, потом повернулся, сидя на кровати, и стал обследовать место своего нового заточения.

Кровать занимала ровно половину этой узкой клетушки. Прямо над головой нависал потолок. Проведя по нему руками, Снейп понял, что потолок косой. Мансарда? Но они спускались, это он помнил точно. Если раскинуть руки и чуть наклониться вбок, можно было достать кончиками пальцев до стен в изножье и изголовье кровати. Дверь — вот она, на расстоянии вытянутой руки.

Снейп изучил кровать. Очень узкая, жесткая, подушка, набитая то ли деревянными чурбанками, то ли куриными яйцами. Плед, вытертый и неприятный на ощупь. Он сунул руку под плед — простыня, заштопанная, под ней какое-то подобие матраса. Снейп постучал — ответом ему был глухой звук, как от дерева.

Снейп занялся дверью. Как и стоило ожидать, ручки не было, и он сомневался, что эта

дверь снабжена хитроумным замком, как дверь в его первой комнате. Но он не мог утверждать, что был бы рад вернуться туда. Здесь было легче спрятаться от Энни, как бы нелепо это ни выглядело: ноги, ноги, наконец обретшие чувствительность и повиновение. Если она попытается сунуться, он ударит ее что есть силы и сбежит.

Он все еще не знал куда. Потом решил, что надо дожидаться ночи. Скорее всего, там, где люди, там, где спасение, будет свечение на ночном небе. Это может быть далеко, но он должен туда добраться. И еще надо понять, когда наступит ночь.

Снейп вздохнул и улегся на своей сиротской кровати.

Он какое-то время лежал, потом вздрогнул, охваченный странным, но естественным желанием. Снейп знал, что оно никуда не уйдет, но продолжал лежать, наивно надеясь, что позыву надоест и он пропадет. Позыв оказался настойчивее и терпеливее, и в безмолвной борьбе с ним Снейпа наконец разморило. Он заснул.

Проснулся он не от того, что все так же хотел помочиться, а от голоса Энни:

— Я пришла-а-а! А-ха-ха!

Снейп открыл глаза и сразу вспомнил, что резко подниматься нельзя — потолок. И поэтому он повернулся ногами к двери, невзирая на срочный позыв опорожниться, и принялся ждать.

— Там есть ба-а-аночка, — пропела Энни. — Севви может сделать пи-пи и ка-ка, если попадет ка-ка в баночку, а-ха-ха-ха!

«Да она читает мои мысли», — подумал Снейп и скривился. Но в любом случае баночка была кстати. Бить ей Энни даже сподручнее, чем ногами.

Он свесился с кровати — и действительно, пошарив рукой, нащупал баночку. Поморщился, расстегнул штаны и облегчился, сунув в баночку измученный Энни член. Сразу стало легче, сон совсем пропал, а издевательски-истеричный смех Энни за дверью больше раздражал, чем вызывал ужас.

Снейп ждал, а Энни не торопилась. У Снейпа, сидевшего с банкой мочи в правой руке, начало затекать от полусогнутой позы тело, а Энни все надрывалась своим пением-смехом за дверью и не спешила заходить.

— Севви-Севви, пай-мальчик, Принц-Полукровка, Принц-Грязнокровка, Севви-Севви дурачок — Севви, попался Севви, а-ха-ха!

Снейп стиснул зубы, поставил банку обратно на пол, спохватившись, убрал член обратно в штаны и выставил ноги по направлению к двери. Энни дала ему какую-то пародию на обувь, сказав при этом странное: «Вы носили и не такое», но, по крайней мере, эти разношенные ботинки не падали у него с ног и были довольно тяжелыми.

— Севви-Севви, мертвец Севви! Выходи, мой мальчик! Давай поиграем!

Снейп напрасно рассчитывал на внезапность. Энни распахнула дверь так молниеносно, что он даже не успел среагировать, а в следующую секунду его окатило и обожгло.

Горло перехватило, и Снейп уже представил, как ключьями сползает обожженная кожа, но это оказалась ледяная вода. Снейп хватал ртом воздух, пытаясь вдохнуть, а Энни визжала, захлебывалась и вопила.

— Давай! Давай, Севви, покажи мне! А-ха-ха, кто сильнее! А надо было слушать меня надо было! Я говорила, что ты ничтожество! Мразь! Дрянь!

Энни была где-то неподалеку, но не возле самой двери. Снейп, однако, выходить не планировал. Он был весь мокрый, он судорожно обнюхивал себя, пытаясь понять, не облила ли Энни его чем-то горючим, но это была или просто вода, или что-то нераспознаваемое.

— Севви... Севви-Севви-Севви! — игриво звала Энни, канюча, как ребенок. — Выходи! Давай поиграем!

В глаза Снейпа ударил яркий свет.

— Ну Севви! — капризно затянула Энни где-то совсем рядом, и Снейп, собравшись, изо всех сил ударил ногами вперед.

Не попал.

— Ах ты мразь! Круцио!

По телу Снейпа хлыстом прошлась краткая, сильная боль. Край хлыста как будто зацепил подбородок и будто бы даже рассек кожу, Снейп почувствовал кровь. А потом что-то стукнуло, отлетев в сторону, Энни ухватила его за ноги и бесцеремонно выволокла из каморки.

— Ах ты...

Она стояла над ним, держа его ноги, разведенные в стороны, и смотрела прямо в лицо. Энни была в чем-то черном, с длинными черными волосами, спутанными, свисающими на лицо, губы ярко намазаны красной помадой, и от нее сильно пахло спиртным, но нетрезвой она не выглядела.

— Грязнокровная дрянь, — ласково пропела Энни и потащила Снейпа за ноги.

Вырваться он не пытался. Он усиленно соображал, какое последует наказание — и последует ли, стоит ли этого опасаться, или все это только пустые угрозы, — и как выбрать время, чтобы нанести следующий удар, не такой бездарный, как предыдущий. Энни словно не обратила внимания на его выходку, но не стоило рассчитывать, что ему еще раз все сойдет с рук.

Тащила Снейпа она недолго. Он только пару раз несильно стукнулся головой, второй раз — о невысокий порожек. После этого Энни выпустила его ноги и приказала:

— Поднимайся. Ничтожество.

Снейп, размышляя, что лучше, все же кое-как встал на ноги. Энни стояла с палочкой в руке и указывала на большой котел, стоявший на жаровне.

— Интересно, правда, Севви?

Снейп побледнел.

— Смотри сюда, гений! — захохотала Энни. — Здесь все, что тебе нужно. Старый козел Слагхорн учил тебя варить Амортенцию? А-ха-ха! Она тебе не помогла! Твоя грязнокровка все равно свалила к своему Поттеру! Но они оба в могиле... Там им самое место. Ты же, ублюдок, принес моему господину плохую весть. Как он вообще мог тебе поверить?

Энни удивилась так искренне, что Снейп и сам засомневался в своей способности кого-то убеждать.

— Чертово пророчество... Кто вообще верит в эти бредни.

Она сунула Снейпу в руку нечто, похожее на длинную ложку.

— Не уверена, что твоя немытая башка сохранила рецепт. Твои способности как зельевара сильно преувеличены. Все, на что ты способен, — орать на несчастных детей. Почему вы такие ублюдки, а, Севви? Если бы какая-то мразь посмела разинуть свое грязное хайло на моего ребенка, я бы в тот же момент сварила его в котле. Бабка Лонгботтом совсем выжила из ума после нашего развлечения...

Энни подтолкнула Снейпа к котлу.

— Открывай книгу, — скомандовала она. — Не строй из себя героя. Ингредиенты пока на столе, а вода уже закипела.

Ошарашенный переменой Снейп сделал неуверенный шаг к столу, на котором стояли какие-то баночки, чашечки и еще черт знает что с черт знает чем, и, к своему удивлению, действительно увидел старинную книгу, раскрытую на потерянной странице.

«Неужели, — где-то засуетилась мысль, — это все правда?..»

Он вчитался в строки, но не понял ни слова. Прочитал снова, и снова ничего не понял, растерянно взглянул на Энни. Та смотрела на него торжествующе.

— Грязнокровкам не понять старинные рецепты древнейшего и благороднейшего семейства Блэк! — прошипела Энни, наклонившись вперед и ткнув Снейпа острием палочки. — Руки! Руки вперед!

Снейп медлил, и Энни, разозлившись, выдернула у него ложку и швырнула ее в сторону, рванула его за руку, одновременно ловко сунув палочку за пояс и вытащив откуда-то веревку. Раньше, чем Снейп успел осознать что-либо, она связала ему руки и оттолкнула в сторону.

Она была невероятно ловкой, когда этого хотела.

«Может, она и в самом деле волшебница?»

— Жалкая пародия на волшебника!

Снейп на нее не обиделся. Куда больше его злило то, что он опять растерялся, и теперь оказался совсем уж беспомощен. Энни придвинула к столу стул и, ухватив Снейпа за плечо, усадила его.

— Смотри, ничтожество.

Снейп сидел и смотрел, как Энни — и движения ее были даже красивыми — колдует над кипящим котлом.

Энни кружилась вокруг котла, и черные кудри, окружавшие ее лицо, смотрелись чуждо и неестественно. Она была будто наполнена какой-то безумной, безжалостной эйфорией, и непонимание причин этой эйфории пугало Снейпа с каждой минутой все сильнее. Что именно добавляла Энни в котел — Снейп не понимал, она ловко хватала из баночек, чашечек ингредиенты и кидала в котел, хохоча.

— Это сильное средство. Оно поднимет тебе все, что нужно, — обещала Энни. — Я объясню тебе, для чего. Выпьешь, выпьешь... Тебе поможет, вот увиди-и-ишь...

Снейп категорически расхотел употреблять это внутрь, как только увидел какие-то загнутые желтоватые ногти. Однако Энни явно была настроена его этим напоить. Лишь в ей одной известный момент она погасила огонь, ловко налила варево в большую пиалу и шагнула к Снейпу.

— Северус, вы должны выпить это.

Хохочущий дьявол исчез. Перед ним снова стояла знакомая Энни.

Он не планировал ничего подобного, просто слишком резко дернулся всем телом, желая выразить отказ, и Энни, споткнувшись об его ноги, уронила чашку с только-только вскипевшей дрянью на стол. На связанные руки Снейпа.

Он запомнил это по собственному крику, очень громкому крику, который раздался раньше, чем Снейп успел осознать боль. Он запомнил это по полу под спиной — потому что упал со стула, судорожно рванувшись, спасаясь подальше от боли.

Потом все покрылось пылающей пеленой.

— Какая я неловкая, — причитала Энни и сжимала его и без того пылающие пальцы. У Снейпа кружилась голова, и перед глазами плыли цветные круги.

— Они были такие красивые, — раздраженно прошипела Энни, — а теперь никуда не годятся.

В этом раздражении прозвучало что-то страшное. Снейп и сам не понял, почему попытался дернуться и отползти, но замер, поймав перед глазами блеск бритвы.

Энни о ней не забыла, хотя Снейп и надеялся, что та безумная сторона этой женщины спряталась, сгинула за новой личностью, и ему не придется вновь ощущать этот ужас. Лучше хлыст, но нет. Новый облик Энни — с темными кудрями и страшными темными глазами — был страшней предыдущего, легкомысленного, развратного и рыжеволосого.

— Не шевелитесь, Северус, — глухо приказала Энни.

Снейп с ужасом понял, что надеялся на что-то иное. На то, что она перестанет внушать ему ужас, на то, что он найдет в себе силы сопротивляться ей хоть на секунду. Не смог.

— Не шевелитесь, иначе будет еще больней.

Он хотел рвануться, хотел ударить её — головой ли, связанными руками, хоть чем-нибудь. Но тело — тело было слабо, тело скулило и корчилось от боли. А Энни сидела на его спине, практически выкрутив ему руку, и перебирала его пальцы. Один за другим. Большой, указательный, средний, безымянный. Снова средний. Пальцы сжались на указательном. Энни судорожно вздохнула, и Снейп понял — сейчас что-то будет. Сердце сжалось от страха.

А Энни приложила острое бритвы к третьему суставу указательного пальца и надавила.

6. Повешенный

Было больно.

Глаза отказывались видеть нормально.

Мозг отказывался что-либо воспринимать.

Снейп помнил стол на кухне и зеленую клеенчатую скатерть в желтую клетку, заляпанную кровью. Острое лезвие уверенно резало веревку, которой были стянуты его обожженные руки. Лицо Энни было сосредоточенным и хмурым, без примеси безумия, движения ее были точны и скупы, она не несла угрозу, она помогала, но от нее все равно хотелось убежать. Снейп дергался и хрипел, Энни с силой прижимала его руки к столу и продолжала освобождать от веревки.

Во благо, возможно, но благо шло через боль и страх.

Снова было больно: раскаленная поварешка прикоснулась к изуродованной руке. Руке без пальца.

Это было до того, как он оказался на кухне, определенно до того, но Снейпу казалось, что все-таки после. В его расколоте невыносимой болью мозге время расплывалось и искажалось, и события перемешивались.

Еще больней.

Глаза не хотели открываться. Энни перетянула ему руку чуть ниже локтя, но это не спасло от боли, ее стало только больше. Снейп кричал, а Энни колола его, колола, казалось, без остановки, и места уколов горели. Но потом становилось легче.

Снейп лежал на чем-то жестком. На полу, и дышать ему мешала клеенка, та самая, вся в крови, со стола, он не видел в темноте, но чувствовал запах крови и знал, что не ошибается, плюс еще и характерная структура... У него был кляп во рту, и он не знал, что это за комната. Он слышал голоса: мужской и женский, он пытался кричать, но не мог пошевелиться, скованный, — не связанный, но все равно скованный, и не мог издать ни звука, не мог вытолкнуть проклятый кляп. Он даже не был уверен, что голоса реальны, что они — не галлюцинация, не прогнувшаяся под кошмар реальность, не потусторонний, затертый в боли мир. И все равно он рвался туда, где, как ему казалось, было спасение.

Его мучила жажда — Энни поила его водой. Он глотал, глотал без боли, а быть может, боль в руках перекрыла всю остальную боль. Потом все пропадало — и клеенка, и комната, и боль, и кляп. Оставалась только темнота, и сил не было шевельнуться.

Он пьян?

Если он и был когда-то пьян, то это не было так ужасно. С чем сравнить то состояние, в котором он оказался, он не знал.

Его сунули в огонь, и он корчился в муках, кричать он уже не мог, слезы давно выжгли глаза, и в голове бился только один вопрос: за что?

Что он сделал, или не сделал, почему он покорно, как курица, дал себя изувечить?

Если Энни — не Энни, если Энни и есть тот самый всемогущий, жестокий волшебник? Почему он не может противиться ее — или его — воле? Что это — зелья, внушение, проклятие? Что делать, куда бежать, как бежать, как спастись, где найти в себе силы, если сил этих нет?

Снейп больше понял, что в него в очередной раз вонзилась игла, чем почувствовал это,

но даже не рванулся — он был бы рад отвлечь себя новой болью от пылающей руки, но этого не потребовалось. От иглы пришло облегчение и краткое забвение.

— Ты больше ничего не испортишь. Никогда. Никогда.

Он был бы рад умереть. Но не умер. Не в этот раз.

Он не умер, он пришел в себя комнате с чучелом блондинки, снова на той же кровати, снова с манекеном рядом, и как прежде, в лицо ему лезли волосы, а руки дергало ненавязчивой болью — только палец был будто раздавленный прессом. Снейп осторожно вздохнул, подождал. Пошевелился, опять подождал. Прислушался. Энни рядом не было.

Он попытался сесть, не смог и просто чуть поднял руки. Обожженные кисти были перевязаны, а в том месте, где адской машинкой перемалывали указательный палец, была пустота.

Снейп удивился: он ощущал этот палец, болевший намного сильнее, чем руки, и какое-то время он вяло размышлял, как может такое быть. К его правой руке опять тянулась капельница, и он решил, что в этот раз Энни добавила туда какое-то обезболивающее, иначе он не смог бы ни впасть в забытие — или сон, — ни чувствовать себя вполне сносно.

Если не считать рук. Но голода он не испытывал, как и жажды.

Снейп повернул голову к окну. Был скорее вечер, чем ранее утро, по крайней мере, тени были похожи на вечерние. Снейп не мог сказать, сколько времени он так пролежал — несколько часов, сутки или, может, неделю, но, прикинув, решил, что прошло уже несколько дней. Просто потому, что боль уже уходила. Рука его больше не была перетянута, а самое главное — уже не болели шея и горло. Снейп осторожно открыл рот.

— Привет, — сказал он в пустоту.

Голос звучал незнакомо, надтреснуто, монотонно, но не причинял таких мук, как раньше. Он вообще не причинял никаких мук.

В комнате пахло какими-то новыми лекарствами. Скорее всего, Энни, опомнившись, стала его лечить, и Снейп, устало вытянувшись под простыней, подумал, что она повела себя как капризный ребенок, испортивший дорогую игрушку.

Было жарко, Снейп с опаской стянул простыню, точнее, сдвинул ее запястьями к животу, потом утер выступивший на лбу пот. Сказать, отчего он весь горит, он не мог с уверенностью — из-за боли, из-за лекарств или просто потому, что на улице было пекло, — но это его беспокоило не так сильно, как руки. Без рук он не мог никуда убежать — убежать так далеко, как рассчитывал: прочь из этого ада.

Энни перевязала его аккуратно, со знанием дела. Бинты были свежими — Снейп принюхался — и пахли чем-то масляно-сладким. Даже крови возле отрезанного пальца не было...

Снейп застонал. Он только сейчас осознал, что случилось и что ему предстоит. Энни была не просто сумасшедшей — она была опасной сумасшедшей. Это было известно давно и сейчас только подтвердилось. Но он понял две вещи: угрозы озвученные неопасны, куда страшнее ее внезапная злость. И понял, что именно это знание может его спасти.

Энни надо разозлить по-настоящему, и разозлить так, чтобы она потеряла над собой контроль. Настолько, чтобы она не смогла ничего сделать, а это значит, что злить ее надо в момент, когда она безоружна.

Потому что тогда он, наверное, должен суметь оказать ей сопротивление.

Снейп поерзал по кровати и закрыл глаза, прислушиваясь к тому, что происходит в доме. И чем дольше он слушал, тем больше ему казалось, что не происходит ровным счетом

ничего.

Энни не было. Очевидно, занимаясь им несколько дней подряд, она была вынуждена уехать хотя бы за продуктами, как только ему стало легче. И значит, ему в определенном смысле повезло.

Снейп беспокойно задергался. Он вспомнил про палочки, поднял голову и с надеждой посмотрел туда, где брал их в прошлый раз, но стойки уже не было, да и взять палочку физически он был не в состоянии. Бежать с перевязанными руками он не мог, бежать днем, в неизвестность, не имея ориентиров, он тоже не мог. Но он мог встать и поискать что-то важное — нож или, может быть, даже оружие. Бессмысленно, потому что нож он тоже не удержит, но он мог его хотя бы найти, украсть и спрятать.

Или... он мог позвонить.

Позвонить! Снейп рывком сел на кровати. Почему он вспомнил это только сейчас?

Он был голый, опять лежал на пеленке, на которой было подозрительное желтое пятно, но это его взволновало меньше всего. Снейп подергал рукой с капельницей — та угрожающе зашпательнулась. Снейп зашипел.

Перевязанные руки были бесполезны. Он попытался выдернуть иглу, но она сидела плотно, а неумелые рывки причиняли сильную боль, и сильно мешал пластырь. Можно было перетерпеть, но Снейп испугался, что слишком сильно поранится, и стал искать другие способы.

Он вытянул шею, насколько мог, и изогнул руку, стараясь дотянуться до иглы зубами. Это оказалось не таким простым делом, как он думал вначале, игла ускользала, а шея и горло снова начали саднить. Он попробовал отодрать пластырь, но это оказалось совсем невозможно: подцепить края было нечем, а зубами Снейп до него совсем никак не доставал. Потом Снейп додумался притянуть другой рукой капельницу так, чтобы игла чуть поменяла положение, и, хотя это снова было довольно болезненным, выгнулся из последних сил, ухватился за край пластыря и резким движением оторвал его.

Оставалась игла. Снейп какое-то время подождал, чтобы в голове перестало шуметь, затем повторил все сначала. Дотянуться до иглы с первого раза не удалось, но после нескольких попыток поддалась и она.

Снейп взвыл, но был счастлив. И тому, что он издавал звуки, и тому, что был свободен. Из ранки быстро текла кровь, но он решил и эту проблему: пластырь прилепился на простыню, и Снейп, недолго думая, снова изогнулся, ухватил его зубами и кое-как залепил ранку, помогая себе свободной рукой. Это не слишком спасло ситуацию, но создало хотя бы иллюзию. Рука все равно кровила, но больше не вызывала брезгливого раздражения.

Снейп восторжествовал. Ему везло — этим надо было пользоваться.

Он поднялся, пару раз присел, пробуя силы. Поискал, чем бы прикрыться, потом решил, что это не самое главное, и осторожно направился к двери, прислушиваясь.

Тишина.

Даже животные во дворе, казалось, притихли, или Энни за то время, что сидела с ним тут, пустила их всех под нож.

Его брюки и рубашка висели на спинке стула, но Снейп не стал тратить время, пытаясь их на себя надеть. Поведение было, разумеется, глупым, но был в нем какой-то воодушевляющий подростковый протест. Голый Снейп открыл дверь и выглянул в коридор. При дневном свете, пусть уже наступали сумерки, этот дом он еще не видел.

Дом был старым. Каменным, но очень старым. Местами на стенах даже не было обоев,

и это удивило Снейпа: такая обстановка никак не вязалась с дорогим современным замком на двери его первой камеры, но он не стал мучить голову этим бессмысленным вопросом и направился к лестнице, не забывая осматриваться и вслушиваться в старый дом.

К своей первой комнате он возвращаться не стал — побоялся потерять время. Позвонить он должен был до возвращения Энни, а потом ему останется только ждать.

«Спасение!» — пело все у него внутри, и сейчас ему казалось таким простым и очевидным это решение. Снейп ступил на лестницу, опасаясь скрипов, но потом вспомнил, что ни одна лестница не скрипела, когда Энни водила его туда-сюда. Он быстро спустился и оказался то ли в большой комнате, то ли в холле на первом этаже.

Где-то тут была его каморка — под этой лестницей. Снейп покрутил головой, но никакой дверцы не увидел, и где-то — та комната, в которой Энни варила зелье, а потом отрезала ему палец. Где была комната с матрасом и кухня, Снейп не знал. Это было уже в прошлом, сейчас его занимал только телефон.

Снейп знал, что он ищет. Он всматривался в каждый угол, каждый предмет мебели, в каждую полку. Небольшая коробочка, абсолютно любого цвета и формы. С кнопками или диском, со шнуром или без. Энни живет на отшибе — у нее должен быть телефон, обязательно должен.

Сердце стучало как бешеное. Телефона Снейп не находил. И тогда он пошел вдоль стен, изучая каждый сантиметр. Нужна розетка, провод, телефон где-то там.

Он сразу увидел обычную розетку и толстый кабель рядом: телевизор. Именно он орал как ненормальный, когда Снейп впервые очнулся в этом доме. Сейчас телевизор молчал. Снейп зачем-то изучил его, покачал головой. Модель была довольно старая. Снейп не понял, почему так решил, но знал, что не ошибся.

Рядом с телевизором стояла мусорная корзинка из дешевого пластика, вся полная пустых упаковок из-под чипсов, поп-корна, фаст-фуда. Энни любила поесть, перед телевизором особенно. Снейп поворошил эту кучу дерьма, постоял, потянул за тонкий провод, идущий от телевизора: наушники. Энни не отказывалась от просмотров, но не тревожила своего измученного постояльца посторонними звуками. Странно. Странная забота. Снейп оставил наушники и двинулся дальше.

Пульт, весь заляпанный, пластиковая бутылка из-под газировки. Снейп скривился: ну и гадость! И Энни поглощает это все в невероятных количествах. Еще одну корзинку с таким же мусором он нашел под столиком, куда залез в поисках телефонной розетки.

Невзначай Снейп наступил на пакет с чипсами и даже подпрыгнул от раздавшегося хруста. С перепугу он принял хруст почти что за выстрел. Он постоял, возвращаясь в реальность, сейчас практически безопасную, и напомнил себе, что ему пора перестать бояться каждой тени, если он, конечно же, хочет выбраться.

Телефон.

Снейп обыскал в этой комнате все. Он даже нашел странный, вроде бы знакомый предмет, названия которого никак не мог вспомнить: гладкую с одной стороны черную коробочку размером с ладонь, с двумя щелкающими кнопками и оборванным проводом. С другой стороны коробочки зияла дыра. Снейп мог бы потыкать туда пальцем, если бы ладони не были перебинтованы.

Он отпихнул локтем коробочку и задумался, припоминая. Нет, ничего похожего на телефон ему не попадалось, определенно нет. Но оно должно было быть в этом доме.

Снейп повернулся, краем сознания отметив, что его перестала беспокоить любая боль.

Все его существо было сосредоточено только на поиске спасительной связи с миром. Он помнил номер, только вот не мог с уверенностью сказать — девять, один, один или девять, девять, один. Но никто не мешал ему, по крайней мере, пока, попытаться два раза.

Он стоял и смотрел на дверь прямо перед ним. Потом легко толкнул ее плечом, дверь поддалась.

Это была та самая кухня с заляпанной клеенкой, только вот сейчас все следы были убраны, и контраст чистоты с другими комнатами был очевиден. Снейп задумался, что это может ему дать, и решил: ему — ничего, но, возможно, поможет полиции. Потом он заметил в стене неприметную дверцу, пнул ее ногой. Открыть не получилось, и кое-как Снейп подцепил крючок рукой, потянул дверцу на себя и заглянул внутрь. Та самая комнатка, откуда он слышал голоса, сомнений не было, пусть сейчас ни клеенки, ни пятен крови не сохранилось, зато Снейп вспомнил, что Энни пролезала сюда и стояла над ним на коленях...

Что это значит? Она поспешно спрятала его, потому что кто-то внезапно приехал? Так внезапно, что она была вынуждена сорвать со стола клеенку и запихнуть ее вместе с жерткой? И не пустить этого человека Энни тоже не могла, значит...

Это какая-то служба, решил Снейп. Газ, или, быть может, электричество, но Энни не могла вот так взять и захлопнуть дверь перед неожиданным визитером. И она сунула Снейпу в рот кляп, а его самого запихнула в эту каморку, которая служила, скорее всего, каким-то погребком или чуланчиком.

В чуланчике было темно, и рассмотреть остатки улики Снейп не мог.

Но телефона не было, тут его просто не могло быть, и искать его даже не стоило, как и в кухне. Снейп развернулся и вышел.

Он подумал, знала ли Энни о визите, и пришел к выводу, что вряд ли. Она слишком рисковала, хотя, может быть, просто не предусмотрела собственного срыва и того, что возиться со Снейпом придется дольше, чем она планировала. А возможно, просто посетитель явился не вовремя, раньше, чем обещал.

Он всматривался в небольшой коридорчик. Где-то там должна была быть комната Энни, если она не жила наверху, а она не жила наверху, иначе он слышал бы, как она поднимается к себе.

Энни и сама говорила, что та, вторая, комната не ее, и что в ней жила какая-то тень. Этому Снейп верил не слишком — у Энни была воспаленная фантазия нездорового человека. Но собственному слуху он пока еще доверял.

Ему показалось, что именно об этот порожек он ударился головой, когда Энни тащила его варить зелье. Подумав, он толкнул дверь, та не поддалась, и тратить время Снейп не стал. Вместо этого он повернулся к двери напротив.

Она была заперта, но что-то показалось Снейпу странным, и он, изучив дверь, несильно нажал на нее плечом. Ничего не вышло. Тогда Снейп, изловчившись, кое-как ухватил обеими руками ручку, нажал на нее, потом поднял, одновременно толкнув дверь. Снова ничего, но Снейпа уже охватил азарт. Он пробовал снова и снова, и в тот момент, когда он уже отчаялся и хотел было вернуться на кухню и поискать что-нибудь в качестве оружия, дверь щелкнула и открылась.

Сначала Снейп подумал что-то очень неуместное — зачем Энни такой огромный дом. Потом он замер, шокированный увиденным.

Прямо на него смотрел мужчина, висевший на стене.

Нет, не так: на стене висел портрет мужчины во весь рост, и этот мужчина смотрел на

Снейпа суровым тяжелым взглядом. Руки мужчины были сложены на груди, одет он был в темный балахон, и на портрете было написано: Северус Снейп.

Снейп вздрогнул. Его посетила удивительная мысль: он не знал, как выглядит сам, если не считать, конечно, перевязанных рук и того, что он голый. И от этой мысли он вдруг истерически засмеялся, все громче и громче, до тех пор, пока уже не смог удержаться на ногах и сполз на пол, корчась в судорогах и стуча ногами. Ему уже стало нехорошо, не хватало воздуха и заболел живот, а истерика все не проходила.

Наконец он всхлипнул и замер, потом поднялся, поглядывая на своего сурового тезку.

Снейп-живой все еще пытался отдышаться, а Снейп-нарисованный смотрел на него с превосходством, словно бы знал что-то, что остальным было неведомо. Снейп во плоти погрозил ему кулаком.

В этой комнате были задернуты шторы, а сумерки уже опускались, но все равно света было достаточно, чтобы рассмотреть в деталях все, что заботливо собрала Энни.

Котлы, очень много котлов, все разные, из разных металлов. Был даже стеклянный, стоял на отдельной, особо почетной подставке, и в нем плавало что-то странное и, кажется, уже неживое. Рядом со стеклянным котлом сидела белая сова размером дюймов двадцать пять, и выглядела она весьма нетрезвой, словно из этого котла что-то вдоволь употребила. Косенькие совиные глаза были пьяно прикрыты, мягкий клюв свернут набок.

На стойке рядом громоздилась целая куча одежды, вся, насколько Снейп мог рассмотреть, одинакового цвета: зеленая с серым. Он удивился такому странному выбору и отметил, что на Энни никогда ничего из этой одежды не видел. Он подошел, пошевелил тряпки рукой — шарфы, перчатки, галстуки, рубашки... балахоны, как те, что были на Энни. На пол шлепнулся какой-то значок, Снейп не стал его поднимать, только пнул ногой с глаз долой.

«Она этим торгует?» — удивленно подумал он.

Чашки, ручки, карандаши... значки, все разные. Шарик с крылышками — похоже, что золотой. Красивый золотистый кулон с маленькими песочными часами. Серебристый кубок. Красный камень под стеклянным колпаком. Снейп взгляделся: «Волшебный камень» — и хмыкнул.

Но самым главным было не это — палочки. Они не были нагромождены без разбора так, как в его комнате, они аккуратно лежали в красивых коробках, каждая отдельно, и, когда Снейп подошел, на ближней коробочке с замирающим сердцем прочитал: «Палочка Северуса Снейпа».

Он поверил. И сделал то, на что считал себя неспособным: с первого раза, довольно ловко, открыл коробку забинтованными руками, невзирая на саднящий отрезанный палец — он его все еще чувствовал! Вынул палочку и сунул ее в рот, подумав, взял коробку из нижнего ряда, вытащил палочку оттуда, положил ее в коробку из-под палочки «Снейпа», снова расставил все коробки, как было... и только тогда осмелился перевести дух и вспомнить, что нужен ему был телефон.

Снейп в последний раз бросил взгляд на своего тезку и с палочкой в зубах бросился к выходу, потянул дверь на себя, покрываясь холодным потом в страхе, что она не закроется, но ему повезло в очередной раз.

Снейп подумал еще, снова открыл дверь, вытащил, стараясь оставить как можно меньше следов, один из балахонов, закрыл комнату и бросился с балахоном на кухню. Там он открыл дверцу каморки, в которой прятала его Энни, и сунул туда балахон и палочку.

Теперь, даже если он не найдет телефон, он был готов к побегу.

Снейп посмотрел в окно: вечер неумолимо наступал, Энни не было.

Ему слишком везло, и поэтому ему стало страшно. Лучшим выходом было бы вернуться в комнату, дождаться темноты, и тогда, если Энни не явится, убежать туда, где в темном небе будет отражаться свет. Если ему не станет хуже, если не придется сопротивляться Энни, если, если, если...

Если он не найдет телефон. Если он не струсит.

И в этот момент словно что-то щелкнуло в его голове.

«Трус! Трус!»

Он едва увернулся от брошенной в него книги.

«Трус! Скотина, дрянь!»

В него полетело еще что-то тяжелое и больно ударило по плечу.

«Трус! Как я могла полюбить такое ничтожество!»

Он стоял и не понимал, в чем проблема. Да, он, наверное, виноват перед этой худой и растрепанной, заплаканной женщиной. Но если разобраться, его вина ничуть не больше, чем ее. Прелюбодеяние и предохранение от нежелательной беременности — забота и женщины, и мужчины. Сейчас он должен был повторить, что — нет, он не будет разводиться с женой, пусть он не жил с ней уже больше года. Он любит ее и надеется, что все-таки сможет спасти свою семью. А секс — а что секс? Это просто удовольствие для обоих, не так ли?

«Я не трус», — возразил он и тут же получил очередной удар. Эта женщина, его любовница, кидалась довольно метко.

Он плохо помнил, что было потом. Помнил, что выскочил из этого дома под непрекращающийся крик, что какая-то пожилая леди проводила его неодобрительным взглядом, качая головой, что он долго брел — куда? К себе домой? Что потом оказался в каком-то лесу, пережидая дождь, и там уже, весь промокший, долго смотрел на старую бесхозную телегу, давно поросшую травой, на бревно, почему-то лежавшее в этой телеге, и на веревку...

Веревка.

Он уже в самый последний момент осознал какую-то неправильность своих действий, в тот самый момент, когда вытолкнул опору из-под ног, и его затянула сначала петля, а потом — падение в неизвестность и темнота.

А потом была Энни. А еще потом — он очнулся в этом проклятом доме.

Это было все, что он вспомнил, но этого было достаточно. Значит, он, Северус Снейп, или кто-то еще, что не так уж и важно, был действительно трусом... Настолько, что сам привел себя в западню.

Он и был ни на что не способным ничтожеством. Слабым, лепечущим оправдания, годным только на то, чтобы из гнилой веревки сделать подобие петли, и разве мог он тогда предполагать, что его жизнь, которую он, наверное, тогда считал сущим кошмаром, покажет ему, что такое подлинный кошмар?

А быть может, это и есть тот самый ад, который обещан всем самоубийцам? И он уже умер и обречен на вечные муки?..

Он мог проверить это только одним способом: позвонить. И Снейп, отбросив все сомнения и страхи, насколько мог и насколько хватало сил, бросился искать телефон.

Он больше не хотел быть ничтожеством: слишком дорого ему это обошлось.

Он заглядывал всюду, куда мог проникнуть. Открывал все двери, которые мог открыть.

Он был голый, напуганный, обозленный, рука его, из которой он выдернул капельницу, давно покрылась запекшейся кровью, но он продолжал искать телефон. И каждый раз, когда он видел окно, он бросал туда жадные взгляды. Не телефон, так хотя бы темнота и неясный свет где-то там, где свет должен быть. Пусть бесконечно далеко, но Снейп туда доберется.

Телефона он не нашел.

Оставались две комнаты, которые он так и не смог открыть. Та, в которой его истязала Энни, и еще одна. Он был изможден, хотел пить. Зато он нашел туалет и с удовольствием справил там нужду — почти с животным удовольствием: он сидел на унитазе и тужился. Когда он дернул за веревку и спустил воду, почувствовал себя почти счастливым.

Вода шумела, заполняя бачок, а Снейпу стало по-животному страшно: за этим шумом он мог не услышать машину Энни. Он выбежал из туалета, бросился к окну.

Почти стемнело. Энни не было.

Это могло значить, что город далеко, очень далеко. Так далеко, что даже на машине требуется много времени, возможно, несколько часов. Но Снейпа это не пугало. Он мотнул головой и направился на кухню, туда, где спрятал балахон и палочку. Там же он рассчитывал найти и что-то вроде оружия.

Снейп оделся. С палочкой было сложнее — держать ее в руке оказалось невозможным, и он засунул ее под мышку. Подумав, по этой же причине Снейп отказался от поисков ножа: он все равно не сможет пользоваться им. Потом, вспомнив, поднялся в свою комнату и надел разношенные ботинки, еще раз взглянул на улицу — ночь уже наступила — и решительно вышел.

Он спустился, прошел через большую комнату, на пороге коридорчика вновь прислушался. Тишина. И Снейп направился к выходу.

За его спиной щелкнула дверь, и Снейп замер, прекрасно осознавая, что он делает и что он делает это неправильно, но не мог сопротивляться, опять не мог.

И повернулся.

На пороге той самой комнаты, которую он принял за свою камеру пыток и в которую дважды пытался попасть, стоял высокий мужчина с длинными белыми волосами и тростью в руках и с улыбкой смотрел на него.

7. Любovníки

Снейп смотрел на неожиданного гостя, а тот абсолютно невозмутимо разглядывал Снейпа и, казалось, был его присутствием совершенно не удивлен.

Мужчина был в таком же балахоне, как и сам Снейп, вид у него был надменный и какой-то пафосно-надутый, но Снейпу на это было наплевать. Ему даже было почти безразлично, слышал ли этот напыщенный тип его беготню по дому или нет. Мужчина не пытался его остановить, но и доверия не внушал, поэтому Снейп решил его просто проигнорировать, развернулся и пошел к двери.

Мужчина не возражал. Снейп взялся обеими руками за ручку и с усилием повернул ее, но дверь не открылась. Снейп чуть наклонился в поисках щеколды или замочной скважины.

— Вы нас уже покидаете?

Голос был неприятный, гнусавый, мужчина растягивал слова и говорил нехотя, с превосходством. Если бы Снейп был в другой ситуации, обязательно сказал бы ему что-нибудь язвительное, но сейчас ему не было никакого дела до этого бледного зануды. Куда больше его беспокоил ключ.

— Ну же, мистер Снейп, где ваше воспитание. Стоять спиной к собеседнику невежливо. Снейп обернулся.

— Да пошел ты в задницу, — окрысился он, озираясь по сторонам в поисках ключа и не находя его. Скорее всего, ключа здесь вообще не было.

— Что вы ищете? — светски осведомился мужчина, высоко, как взнузданная лошадь, задрав голову. Снейп смотрел на него с брезгливостью.

— Не твое дело. — Снейп вернулся к двери, еще раз, с трудом ухватив, дернул ручку. Мужчина, как он мог предполагать, следил за его действиями с искренней насмешкой — Снейп спиной чувствовал его взгляд.

Он нервничал. Злило присутствие этого белобрысого, пугало отсутствие Энни, ключа и выхода. Все снова пошло совершенно не так.

Мужчина за спиной Снейпа сделал несколько шагов — Снейп услышал, как застучала трость, и резко развернулся, ударившись спиной о дверь, а тощим задом — о ручку, и зашипел от боли, с ненавистью глядя на мужчину.

Выйти не удалось, и Снейпа затерзало множество вопросов: кто это? Как долго он здесь? Где Энни, и знает ли она о присутствии в доме этого хлыща? Не прикончил ли он, случайно или намеренно, Энни, и что он хочет от самого Снейпа? Насколько он опасен, насколько он ему враг, в конце концов?

— Кто вы и что вы здесь делаете? — резко спросил Снейп.

— Вы чувствуете себя здесь как дома, — заметил мужчина. — Что же, вы пробьете здесь достаточно времени. Что касается меня, то ближе всего к истине будет сказать, что я здесь живу.

Он так и не представился, но Снейп судорожно начал соображать, как давно он здесь появился. Может быть, только приехал?

— Вы знаете, кто я, — выдавил Снейп. — Вы, очевидно, хозяин дома?

— Можно сказать и так, — с достоинством кивнул мужчина. — Дом принадлежит мне. Стало быть, вы мой гость, могу ли я потребовать от вас проявлять уважение к хозяевам? —

Он усмехнулся, чуть развернулся, опираясь на трость, и указал свободной рукой в направлении большой комнаты. — Например, составить мне компанию, скрасить мой одинокий вечер.

«Потребовать», — обозлился Снейп.

— Прошу прощения, — в тон хлыщу отозвался Снейп, — у меня на этот вечер, да и на последующие, несколько иные планы. Как мне кажется, я у вас загостился.

Хлыщ усмехнулся.

— Вы не причиняете мне неудобств.

— Зато мне, — объявил Снейп, с трудом сдерживая раздражение, — причинили их достаточно. Чтобы вы были в курсе, меня держали под какими-то сильнодействующими лекарствами. Надели на шею корсет, который меня травмировал. Запирали в чулане, обварили руки, потом отрезали палец. — Снейп продемонстрировал хлыщу искалеченную руку. — Надеюсь, все это происходило не с вашего ведома.

Хлыщ сделал удивленное лицо.

— Вы рассказываете что-то страшное! Прошу вас, все же: пройдите со мной, и мы все обсудим.

Снейп ему почти был готов поверить.

— Я так орал, что разбудил бы кладбище.

— Как вы могли догадаться, — успокоил его хлыщ, — я довольно долгое время отсутствовал. Если кто-то виновен в ваших страданиях, уверяю, он понесет заслуженное наказание.

Снейпу на секунду показалось, что хлыщ весьма убедителен. По крайней мере, его сложно было поймать на притворстве или игре, и Снейп подумал, что ничего не теряет. Выйти из дома он не мог, бежать так, чтобы оказаться от хлыща далеко, тоже. Он еще раз толкнул дверь и кивнул.

— Вот и славно.

Двигался хлыщ очень странно. Он вилял задом, переставлял ноги так, как будто они были деревянные, и Снейп запоздало решил, что убежать бы смог, точнее, сможет, если убедит странного типа отпереть ему дверь. Если он хозяин — у него должны быть ключи. Ведь как-то он попал в дом в отсутствие Энни?

«Гей он, что ли, — думал Снейп. — Странно ходит. Или у него геморрой?»

Он понятия не имел ни о геях — и, кажется, ни одного ни разу в жизни не видел, хотя утверждать бы не стал, — ни о геморрое.

Они вошли в большую комнату, ту, где Энни устраивала свои пожирательские оргии. Хлыщ уверенно протянул руку в сторону, зажег свет, повертел головой, осматривая комнату, потом повернулся, и лицо его выражало гадливость.

— Кажется, здесь не убирались со времен самого Мерлина, — заявил он. — Увы, увы. Я лишен домового эльфа, и вообще это все, что у меня осталось... Но я по-прежнему радушный хозяин.

— Вы знаете женщину по имени Энни?

— Энни? — задумался хлыщ. Сам он так и не представился. — М-м-м... не припомню. Вполне возможно, я знаю ее под другим именем.

— Вы не знаете, кто был в этом доме?

— Располагайтесь, — хлыщ проигнорировал вопрос. — В этом доме много кто был. Например, люди, которых я предпочел бы вовсе не знать. Моя родственница... Родная сестра

моей жены. Нарцисса была...

— Нарцисса? — Снейп почти что взвизгнул.

— Да, Нарцисса, — важно кивнул хлыщ. Реакция Снейпа его не удивила. — Моя супруга.

«Никто не достоин вашей клятвы. Эта мразь Нарцисса тем более. Но вы разделили свою душу, вы совершили убийство, и непростительное заклятье легло на вас благословением. Вы создали хоркрукс, и вы остались живы».

— Ваша супруга, — пробормотал Снейп и сел. — И вы сказали — была?

— Она исчезла много месяцев назад. Ее искали, но не нашли. Только не надо соболезнований — я давно смирился с этим. И потом, я чувствую себя без нее даже лучше.

— А что такое «хоркрукс»? — в лоб спросил Снейп, в глубине души понимая, что поверил этому бледному павлину и растерял остатки осторожности.

— О, — хлыщ задумался. — Нехорошая и опасная вещь, своего рода якорь, который не позволяет волшебнику умереть. Вы что же, в курсе? Вы волшебник? Я вижу у вас палочку... Но палочка не делает мага, и маг не держит ее так, как вы.

— Если вы еще не заметили, у меня перевязаны руки, — желчно огрызнулся Снейп. — Если верить женщине по имени Энни, я волшебник. Как и вы?

— Да, — величаво кивнул хлыщ. — Правда, у меня нет палочки. Меня лишили ее, мне запретили колдовать, но, к счастью, оставили на свободе. Нет-нет, я не преступник, я жертва чужих интриг.

У него был вид типичного неудачника, и на преступника он действительно не тянул. На жертву интриг, впрочем, тоже — такого было проще либо обобрать до нитки, либо просто прибить. Так что в этом хлыщ определенно приврал, набивая себе цену.

— Как давно, — мстительно спросил Снейп, — вы были наверху?

Хлыщ посмотрел на него с изумлением. Вообще у него были странные реакции — как будто он вернулся не откуда-то из города, а с другой планеты и вообще понятия не имел, о чем его спрашивают. Бледный, лощеный, с неестественными движениями. Снейп даже решил на мгновение, что хлыщ — это галлюцинация.

— Давно не был, — признался хлыщ. — Вы мне хотели что-то показать?

— Вы знаете, кто я такой, — медленно сказал Снейп. — Вы назвали меня по имени. Я давал какие-либо обещания вашей жене?

— Не припомню такого, мистер Снейп, — хлыщ подчеркнул обращение. — Но вполне возможно, у Нарциссы были от меня какие-то тайны. В последнее время я... предпочитал знать как можно меньше. Может быть, это меня и спасло.

— И давно вы меня знаете?

— Очень давно, — неестественно рассмеялся хлыщ. — Мы вместе учились, и вы, одиннадцатилетний сопляк, так посмотрели на меня — старосту факультета, что мне расхотелось иметь с вами дело. К сожалению, моего мнения на этот счет так не спросили.

— Откуда вы знали, что я в этом доме?

Снейп чувствовал прилив ярости. Ему смертельно хотелось поймать этого павлина на вранье, но пока скользкая тварь изворачивалась, как могла, а может, Снейп и сам не слишком старался.

— Не знал. — Хлыщ развел бы руками, если бы ему позволило чувство собственной важности. — Я вас увидел и узнал. Вы меня, полагаю, не узнали? Жаль...

«Очень жаль, — подумал Снейп. — Тварь белобрысая».

Он больше злился на хозяина за собственную минутную слабость и теперь хотел на нем отыграться.

— Так что там наверху?

Хлыщ до сих пор не сел и возвышался над Снейпом, опираясь на трость.

«Хромой он, что ли...»

— Там две мои темницы, — сказал Снейп. — Вы или ненаблюдательны, или очень тупы. Или ленивы. Над вашей головой убивали челове...

— Ну, ну, — примирительно покачал головой хлыщ, на секунду замер и поправил волосы — так, как мог бы поправить шляпу или корону. — Я не осматривал дом, когда вернулся. Сразу лег спать.

— А свинарник в этой комнате...

«Какие мелочи, не стоящие моего сиятельного внимания», — прочитал Снейп на лице хлыща и поднялся.

— Пожалуй, я не стану больше злоупотреблять вашим гостеприимством. Попрошу вас открыть мне дверь. Кстати, может быть, у вас есть телефон? — спросил он как бы между прочим.

Хлыщ нахмурился.

— Нет, — без малейшего притворства ответил он, — если только под этим словом вы не подразумеваете что-то, что я называю иначе... Не смею вас больше задерживать. Попрошу вас лишь оказать мне любезность и проводить меня в те комнаты, о которых вы говорили.

Снейп хотел отказаться, но потом вдруг подумал, что там, наверху, хлыща легче будет нейтрализовать. Главное — сделать так, чтобы он шел впереди. Тогда его можно толкнуть, для этого не нужны кисти рук, но сначала надо, чтобы он достал ключ. Что у него есть ключ от входной двери, Снейп не сомневался. Он и насчет хозяина не врал — в доме он ориентировался прекрасно.

Он позволил хлыщу пойти первому, как и планировал, и все гадал, что не так с его походкой. Вроде бы хлыщ не хромал откровенно, но шел словно бы на ходулях, и трость ему определенно была нужна не для внешнего эффекта. Когда он дошел до лестницы, опирался на нее уже всерьез.

— Может быть, вы пойдете первым? — спросил хлыщ, тяжело дыша.

Снейп задумался, понимая, что то, что он тянет с ответом, может вызвать подозрения. Он не мог решить — предложил ли хлыщ это только потому, что ему тяжело ходить, или потому, что у него какие-то коварные планы.

«А что если он тоже жертва Энни?» — осенило его. Мысль была почти фантастическая, но вполне здравая. Сам Снейп сомневался, размышлял и анализировал, но если эта бледная немочь даже на простейшие рассуждения была не способна?

— Хорошо. — Он коротко кивнул и быстро, как только мог, стал подниматься по лестнице. Добравшись до конца, он повернулся и смотрел, как ковыляет хлыщ. Лестница была полутемной, свет снизу сюда еле проникал.

— У вас что-то с ногами? — спросил Снейп, стараясь придать голосу подобие сочувствия.

Хлыщ остановился, с трудом переводя дыхание.

— Нет, — наконец ответил он и больше ничего не сказал. Снейп так и остался в недоумении.

Когда хлыщ оказался на две ступени ниже, Снейп подобрался. Это был очень удачный момент — один толчок, и хлыщ полетел бы с лестницы, возможно, с серьезными последствиями для себя. Снейп подумал, что в иное время и при иных обстоятельствах он бы не решился на подобный поступок, но в этом доме он видел только своих врагов и усилием воли запрещал себе обманываться и заблуждаться. Когда воля ему изменяла, это приводило к тяжелым последствиям. Снейп это не переставая твердил себе.

И все-таки он не толкнул хлыща. Он не посчитал это проявлением слабости, оправдавшись все тем же ключом.

Он пропустил хлыща вперед, полагая, что тот знает, куда идти, и не ошибся. Хлыщ направился именно к той комнате, которая была первым местом заточения Снейпа, и по дороге зажег свет — коридорчик осветила одна-единственная лампа под потолком.

Он со знанием дела открыл хитроумную дверь и распахнул ее. Снейп заглянул через его плечо и удивился.

Он не заходил сюда, когда метался по дому, но, если бы сейчас его спросили, видны ли в этой комнате следы присутствия человека, он ответил бы — нет, здесь никого не было уже очень долгое время. Шторы были опущены, света не было, но кровать была пуста и не застелена, нигде ничего не стояло, и только запах пыли ударил в нос.

Снейп выдохнул, стараясь не выдать волнения. Хлыщ повернулся.

— Эта комната? — с иронией спросил он. Снейп кивнул, но не стал вдаваться в подробности.

Он посторонился, давая хлыщу пройти, и постарался не думать, что все это значит. Может быть, в самом деле — проклятое колдовство. Хлыщ толкнул рукой дверь второй комнаты и при этом чуть не упал. Потом зажег свет, он определенно знал, где находится каждый выключатель в доме.

Но здесь все было так, как и полчаса назад, даже одежда Снейпа висела на спинке стула.

— Очень, очень странно, — протянул хлыщ. — Такого здесь не было, особенно, — он кивнул в сторону капельницы, — интересна вот эта штука. Никогда такого не видел.

— Убедились? — коротко спросил Снейп.

Хлыщ кивнул и вдруг вздрогнул. Снейп проследил за его взглядом.

— Нарцисса!..

Неуклюже двигаясь, хлыщ подобрался к кровати. Снейпу надоело избавляться от чучела, и в последний раз он так и оставил его лежать на кровати. Но хлыщ, казалось, как и сам Снейп в первый раз, не понял, что это был манекен.

— Нарцисса... — простонал он.

— Это просто манекен, — оборвал его Снейп. — Кукла.

«В ней жила одна тень».

Может быть, Энни была не так уж и неправа на этот счет.

— Кукла, — вцепившись в трость, зашептал хлыщ, слишком быстро для себя самого. — Кукла, да... но волосы, это ее волосы...

«Уходить не захотела, вам придется делить с ней постель, пока я не сочту нужным ее вышвырнуть».

Снейп вспомнил неприятное ощущение от этих волос и поморщился.

— Уверяю вас, это не настоящие волосы. Та, которую вы не знаете и которая заперла меня здесь, создала себе что-то вроде...

Снейп запнулся. Он не мог вспомнить подходящее слово. Хлыщ обернулся к нему, сжимая в руке парик.

— Что она создала?

— Музей. Музей или... я не знаю, как это назвать. Я не знаю, кто вы, мне на это почти наплевать, но я хочу отсюда уйти. Если вы тот, кем вы, как я надеюсь, являетесь, вам тоже стоит поторопиться.

Хлыщ уткнулся лицом в парик и тихонько завыл. Снейпу стало противно.

— Вы как хотите. — Он посмотрел в окно, где была чернота. Он надеялся увидеть там свечение города, но не слишком приуныл, ничего не рассмотрев — снова ему подсказало его подсознание, что свет в комнате мешает воспринять то, что за окном. — Вы как хотите, но я ухожу.

Хлыщ отнял руку с париком от лица и искоса посмотрел на Снейпа. Что-то странно знакомое мелькнуло в его глазах. Он бросил парик на пол, сунул руку в карман балахона и что-то оттуда достал.

— Это вы с собой заберете? — с любопытством спросил он. — Я думаю, это ваше.

Но что хлыщ вынул из кармана, Снейп не увидел, потом что сильнейший удар свалил его с ног.

Снейп не смог себя отругать за то, что снова, в очередной раз, сам загнал себя в западню. Как ему показалось, он отключился всего на мгновение, но теперь он лежал лицом вниз на кровати, ему было тяжело дышать — нос вдыхал спертую застарелую вонь, а руки были связаны за спиной. Ветер обдувал его голую спину и зад, и над ним нависал кто-то и гладил его по спине.

Снейп откашлялся и тут же получил осязаемый тычок в спину.

— Лежите спокойно, Северус.

Энни.

— Где он? — почти теряя сознание от страха и непонимания происходящего, спросил Снейп.

Энни, Энни, Энни. Он в очередной раз перехитрил сам себя.

— Кто?

Снейп не знал, что на это ответить. Хромой хлыщ? Галлюцинация? Может быть, ему действительно все привиделось?

Он попытался повернуть голову, и это ему удалось — Энни, очевидно, была не настроена ограничивать его в таких мелочах.

В комнате был полумрак, в окне — темно, и никаких признаков такого спасительного свечения. Снейп закрыл глаза. Энни продолжала гладить его по спине и при этом постанывала.

Что произошло? Как долго он был без сознания, если был? Где этот идиот с тростью? Тоже где-то заперт, без пальца или даже без руки?

А может, тогда, когда Энни закинула Снейпа в кухонный чуланчик, и появился этот индюк? И он просто-напросто сообщник?

«Как я мог быть таким тупым...» — обругал себя Снейп. Но биться головой об стену было уже поздно, даже если бы Энни ему такую возможность и предоставила.

Энни сместилась ниже, куда-то в район колен Снейпа, и руки ее с его спины перебрались на ягодицы. Снейп почувствовал, как она раздвигает их, как проводит между ними.

«Это не самое страшное», — решил он. Энни остановилась.

— Перевернитесь, Северус.

Снейп подумал, что не сможет этого сделать, но Энни даже оставила его, слезла с его ног и помогла повернуться на спину. Без Энни столь простое движение вряд ли бы удалось — со связанными руками. Энни догадалась, что поторопилась, и развязала его. Сильно это не помогло, но хотя бы стало возможным лечь. Энни удовлетворенно вздохнула.

Снейп отважился, открыл глаза и посмотрел на нее. Да, Энни, он не ошибся. Никуда не делась, но где же тогда чертов хлыщ?

Энни заулыбалась.

— Вы молодец, Северус.

Снейп вздохнул.

— Все будет как надо, — успокоила Энни. — Только не закрывайте глаза.

Что-то подсказало Снейпу, что лучше не спорить, не сопротивляться и делать как велено. И он глаза не закрыл.

Энни погладила его по груди, потом накрыла одной рукой его член, а другую сунула себе между ног, зажала, дернулась, застонала.

— Если бы вы не были таким строптивым, — пропела она, — мне не пришлось бы делать это своей рукой.

Снейп подумал, что во всем есть положительные стороны. Пусть его руки обожжены, но он, по крайней мере, не обречен копать в ее промежности. Его даже передернуло от этой мысли.

Энни чуть сжала член, провела рукой вверх и вниз, потом снова и снова. Снейп помнил ее приказ и боялся моргнуть. Пальцев у него все-таки было много, а внимание Энни было сосредоточено на том, что имелось в единственном экземпляре.

Энни тяжело дышала, стоны ее учащались. Снейп чувствовал, как крепнет его член. Почему-то он счел это добрым знаком, хотя и не хотел думать, что будет дальше, и на мгновение отвернул голову в сторону. Энни этого не заметила, зато Снейп рассмотрел что-то на столике — в банке плавало нечто продолговатое.

Он рванулся, пытаясь это разглядеть, и Энни с силой дернула его за член, так, что Снейп вскрикнул.

— Ай, Северус, не сердитесь. Но вам должно быть приятно, разве нет?

Энни была сейчас Энни. Никем другим. Энни-которая-Энни была не менее опасна, чем Энни-в-образе.

Ее надо разозлить тогда, когда она меньше всего этого ожидает.

Энни снова сжала член. Снейп всмотрелся в предмет на столике. Он был очень знакомый, но рассудок почему-то защищался и не давал опознать его.

— Больно? — спросила Энни. Это была Энни, точно. Именно Энни, и Снейп решил, что пора. — Хочешь, я помогу, а, Сев? — промурлыкала она, и её пальцы заскользили по его горлу.

Она может надавить чуть сильнее и, возможно, убить его. Нужно было ответить, потому что молчание лишь разъярит её снова. И тогда пальцем он не отделается, а еще — он опять позволит себя обыграть.

— Д-да, — простонал Снейп, и вышло почти правдоподобно.

— Ты должен был выпить Амортенцию, — прошептала Энни, наклоняясь над ним. — Но не вышло. Не переживай. У меня еще много способов.

Пахло несвежим телом. Снейпа начало подташнивать, а Энни наклонилась, сползла ниже, еще ниже, а потом Снейп почувствовал, как она вобрала в рот его член.

Он догадывался, что у Энни хватит безумия на что угодно, но мог лишь уповать даже не на то, что неуклюжий, болезненный минет в ее исполнении не отобьет у него желание быть с женщиной до конца своих дней, а на то, что Энни ему ничего не откусит. Она то и дело задевала его зубами, и зубы стискивал тогда уже Снейп, убеждая себя, что это приятно. Ему было плевать. Лишь бы выжить. Дождаться, пока Энни будет уязвима, а она должна быть уязвима.

Энни выпустила его член и засмеялась. Заливисто, кокетливо, радостно.

— Молодец, Северус. Молодец.

Энни в очередной раз поменяла позу.

— Лежи, Сев, лежи, — с придыханием произнесла она. — Лежи, я сама...

Она принялась елозить рукой по члену, а Снейп ощущал лишь очень сильную слабость и не мог шевельнуться. Нет, если бы он попытался, то смог бы, но он, напротив, прилагал все усилия, чтобы выглядеть покорным слабаком. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи.

— Ну давай же, — мурлыкала Энни, и плоть — его плоть — совершенно неожиданно предала своего хозяина окончательно. Этого просто не могло быть. Просто не мог Снейп захотеть эту женщину. Не сейчас, не здесь, не с ней — устрашающей, сейчас с яростным натиском штурмующей его член. Он должен был испытывать что-то приятное, но чувства, которые его наполняли, были далеки от удовольствия. Не на этой кровати, рядом с которой стояла банка с чем-то... что принадлежало ему.

Но он не сопротивлялся, а в глубине его что-то желало женского тела. Энни каким-то неведомым образом смогла заставить эту каплю вожделения разрастись, и теперь получала желаемое.

«Почему я», — хотелось кричать Снейпу. Почему из всех вариантов ада он попал именно в этот. Ему было противно и душно, а его измученное тело выгибалось к Энни, будто бы радуясь этой толике странных ощущений. Бывает, что люди видят большую проблему в маленькой, Снейп же видел большое удовольствие в маленьком, грязном, мерзком процессе. И тот маленький участок мозга, что еще не обезумел, не отмер, не поддался чарам Энни — именно в этом уголке было особенно погано и пахло рвотой.

— Северус, я знала, что ты полюбишь меня, — Энни была чрезмерно радостна. — Северус, скажи, что ты меня любишь, ну скажи же. Ты говорил это ей, недостойной, но ведь я тебя достойна, ты не можешь этого не видеть. Ты мне так важен, Северус, каждая твоя волосинка — воплощение идеала. Скажи, что ты меня любишь, Северус, ну скажи же.

Главное, чтобы Энни не зациклилась на «той, недостойной». «Еще не время», — выдыхал Снейп, мечтая, наконец, овладеть женским телом. Уже неважно, чьим именно. Мысли его путались. Эта ведьма действительно так ужасна, что может заставить его любить ее? Нет. Она не получит этого. Скажи он ей «да», и будет права та, кто назвала его трусом. Нет такой магии, что заберет у него остатки его самого. Он не будет ее любить, даже если трусливая его душонка будет очень хотеть сказать обратное. Даже если его член разрывается от желания кончить.

— Нет, — крикнул Снейп.

Она отрезала ему палец, она изранила ему шею, она осквернила его тело так, что теперь ему самому мерзко в нем находиться. Он не желал отдавать ей последнее, что у него было.

Вот только глядя в её темнеющее от ярости лицо, Снейп понял — брезговать своим телом ему, возможно, придется недолго.

Энни рукой направила его член в себя, и Снейп потерялся во времени и пространстве. Все перестало иметь значение, кроме похоти. Мир исчез. Если бы он помнил, как занимался сексом в прошлой жизни, то, наверное, решил бы, что подобного не испытывал никогда. Энни была узкой, потрясающе узкой, горячей, страстной, и Снейпу казалось, что он действительно почти любил ее. Он всматривался в ее лицо — и видел, что у нее по щекам текут слезы и что она кривится, словно от боли. Но если бы ему достало сил, он бы опрокинул ее на спину и разорвал на части.

Он знал, что надолго его не хватит. Он должен был избавиться от напряжения, и, рванувшись, Снейп с криком испустил в Энни все, что давило на него изнутри, а потом, забывшись, расслабленно откинулся на кровати.

Энни все еще дергалась, пока не поняла, что все кончено. Член Снейпа вялым червяком выскользнул из нее, и она, задыхаясь, замерла.

Взгляд ее налился нехорошей темнотой. Снейп сфокусировался на ее лице — Энни принимала решение.

Потом она протянула руку к банке, стоящей на столике, и показала Снейпу то, что он не решался назвать нужным словом.

— Вы слишком торопились, Северус, — спокойно сказала Энни. — Хорошо. Мы сделаем все иначе.

И с этими словами она достала из банки странный предмет и поднесла его к лицу Снейпа. В тот же момент Снейпу в который уже раз захотелось умереть.

Банка, отброшенная Энни куда-то в сторону, разбилась и издала легкий звон, начиная новый акт представления.

8. Колесо Фортуны

Снейп смотрел на то, что держала в руке Энни, и старался не называть это тем, чем оно являлось. Он бы с радостью этого даже не видел, но сначала любопытство взяло верх, а потом оставалось только не давать этому никакого названия, чтобы не сорваться.

— У меня есть, — промурчала Энни, — ваша плоть.

Ее еще не оставила похоть. Но Снейп почему-то подумал совсем о другом.

— Где он? — спросил он хрипло. — Тот человек, блондин с тростью. Он был здесь?

Снейп не знал, на какой ответ он рассчитывал. То ли на то, что ему все привиделось, то ли на то, что палец, который сжимала Энни, принадлежал когда-то глупому хлыщу, а вовсе не ему, и Энни выдавала желаемое за действительное. Этот палец, желтый, сморщенный, высохший, не мог быть его пальцем. Снейп силился вспомнить руки хлыща, но был уверен, что на количестве его пальцев внимание не заострял.

— Люциус, — засмеялась Энни. — Его нет.

— Он же хозяин этого дома, — растерянно пробормотал Снейп. После оргазма ему было хорошо, и страх то накатывал, то отступал.

— Хозяйка этого дома — я. Здесь было много людей, вы их видели. Хотите знать, что с ними случилось?

Снейп не был уверен, что хочет, но машинально кивнул. Если Энни потянуло на откровенность, пусть будет так, лишь бы не этот палец. Этого он уже не переживет.

Энни же задумчиво смотрела на палец. Снейп ждал.

— Амбридж, Грейнджер, Малфой, Эванс, Лестрейндж, снова Малфой... — перечисляла она. — Они мне не понравились, и я убила их. Больше они нам не помешают. Зачем они нам, Северус? Я смогла то, что не смогли они. Но я не думала, что все случится так быстро. Вы меня любите?

— Да, — быстро ответил Снейп. — Да, вас, Энни. Потому что вы спасли меня. И потому, что вы... — он запнулся. Долго тянуть с объяснением было нельзя. — Вы искренни, — нашелся он. — Возле меня было столько... притворщиков. Вроде этого Люциуса. — Он понадеялся, что верно назвал имя. — Искренность бывает и в ярости, и в жестокости.

«Что я несу?» — ужаснулся Снейп, но отступать было уже поздно. Энни слушала, замерев, и смотрела на него с благоговением.

— Лучшее, что может доказать мужчина своей женщине, — не сдержаться во время близости с ней.

Снейп угадал. Энни просияла и на мгновение даже помолодела и показалась почти что красивой.

— Ох, Северус... — она упала ему на грудь и страстно запыхтела, уткнувшись носом в шею.

Снейп задержал дыхание и вывернул голову, как мог: воняло от Энни немилосердно. Кроме того, палец ткнулся ему прямо в ухо, и Снейпа едва не стошнило. Он осторожно выдохнул, вспомнив о шестерых покойниках, а потом — о странной комнате с палочками, барахлом и портретом на стене.

Энни зашевелилась. Она была тяжелой, и Снейп мечтал, чтобы она с него слезла. Она

смотрела на Снейпа так, словно раздумывала, что с ним делать дальше, и она определенно понимала — к дальнейшим упражнениям в постели он не просто не готов, а не способен на них. Даже ее изувеченного разума хватало на столь простые выводы.

Снейп предпочел расслабиться и закрыл глаза. Энни, не дрогнув, убила шестерых человек, что ей еще один, немощный и никчемный. Все равно такой конец был предрешен с самого начала, с той минуты, как Энни зачем-то притащила его в свой дом...

Энни уже поднялась и где-то возилась, пыхтя, а Снейп застыл, осененный странной догадкой. «Зачем?» — можно было понять еще в той самой комнате с портретом и кучей разной ерунды. И, наверное, все дело было в этом портрете, а Снейп не знал, как выглядит он сам.

— Энни, — позвал он. В ответ раздалось томное мычание. — Энни, у вас есть зеркало?

Энни прекратила ныть.

— Зеркало? — перепросила она. — Северус, вы... развратник.

«Похотливая сучка», — обругал ее Снейп, забыв, как четверть часа назад изнывал от желания кончить.

— Опишите меня, Энни.

Потом он понял, что если и был тот самый шанс застать ее врасплох, то он упустил его самым бездарным образом. Снейп приоткрыл один глаз — Энни стояла на коленях, широко расставив ноги, и рука ее застыла в низу живота.

— Вы прекрасны, Северус, — растерянно ответила она. — Сейчас особенно. Вы открыты и незащитны. Искренни и всемогущи. Вы мой.

Снейп машинально кивал, рассматривая бедра Энни. Кое-что удивило его — мазки уже подсохшей крови среди его собственной семенной жидкости. Снейп вспомнил, что она что-то упоминала про боль, но тогда не придавал этому значения — относительно нее. Слово «боль» касалось только его, но сейчас он даже похолодел, сообразив, что Энни совсем еще недавно была перезрелой девственницей, и если бы он хоть что-то сделал не так...

Энни погладила его по груди. К счастью, на этом телесный контакт она ограничила. Было непонятно, испытывает ли она сама половое влечение или просто поставила себе некую цель, потому что, серьезно взглянув на Снейпа, она тут же откинулась назад, раздвинув ноги еще шире, так, что Снейп в деталях рассмотрел все, что скрывали заросли волос внизу живота, а потом задвигала рукой.

С зажатым в ней отрезанным пальцем.

Энни получала от этого удовольствие. Извращенное, как и она сама, и развратное. Снейп не помнил, как это на самом деле бывает, и не был уверен, что когда-нибудь лишал кого-то девственности, но и не заблуждался на счет женщин, только что вступивших в первый половой контакт: как правило, это было болезненно. Энни же словно не пережила этот новый этап в своей жизни, а быть может, мастурбация была для нее делом привычным. Это не очень вязалось с ее пафосными речами о грехах, но Снейп как будто наяву услышал ее стоны из ванной и решил, что раздвоение личности — тема для него слишком непонятная, чтобы рассуждать об этом всерьез.

Энни стонала уже в голос, почти кричала. Снейп слился с кроватью и лежал, не двигаясь, сам не понимая, то ли от очередного наплыва ужаса, то ли от обычного нежелания снова вступать с ней в связь. С другой стороны, он почти не боялся. Пока Энни была занята...

Снейп подобрался. Еще одной попытки у него просто не будет. Ему и так предоставили

столько шансов, как будто некие демиурги заключили между собой пари на количество упущенных Снейпом возможностей.

Но и времени на размышления не оставалось. Энни могла кончить в любую секунду, и никто не гарантировал, что оргазм сделает ее адекватнее или добрее. Она была тяжелой, сидела на кровати, как казалось, так, что столкнуть ее было почти невозможно, но она была уязвима.

Снейп приподнялся и, преодолевая брезгливость, коснулся перебинтованной рукой ее свободной руки, той, которой она опиралась на кровать. Энни не отреагировала. Снейп переместился на обвисшую, болтающуюся грудь и постарался поймать сосок. Энни только дернулась, но не прервалась ни на секунду.

Снейп сел. Энни продолжала увлеченно мастурбировать, и глаза ее были закрыты. Снейп размахнулся и со всей силы ударил ее в ухо.

Энни пошатнулась, но не упала, только удивленно посмотрела на него и, похоже, даже не поняла, что произошло. Тряхнув головой, она возобновила свое занятие. Снейп сидел как оплеванный, запоздало понимая, что ему просто несказанно повезло. Он был настолько шокирован, что даже не чувствовал боли в руке.

Он осторожно отполз к краю кровати. Энни не обращала на него никакого внимания. Снейп спустил ноги, оперся на пол, медленно, не сводя взгляда с Энни, встал, все так же медленно, стараясь идти бесшумно, направился к двери. По дороге он даже успел захватить свою одежду, но рубашку тотчас уронил и наклоняться за ней не стал. Энни извивалась и кричала в голос, и лицо у нее было недовольное и злое — видимо, нужных ощущений она добиться никак не могла.

Снейп сделал шаг в коридор. Энни повалилась на кровать, продолжая орать и дергаться, и Снейп закрыл дверь.

Выбора у него не было. Он просто бросился вниз, к входной двери, прижимая к груди сложенными крест-накрест руками брюки, и резко выдыхал, делая каждый третий не то шаг, не то прыжок. Он слетел с лестницы так, как вряд ли был способен даже в молодые годы, и рванул к выходу. Энни орала, не переставая, времени оставалось все меньше.

В коридоре он наступил на что-то и взвыл, выронив штаны, и схватился, как мог, за пострадавшую ногу.

Энни наверху издала вопль и затихла. Снейп не стал рассматривать, что ему помешало, и даже не стал подбирать штаны. Энни как-то вошла в дом, значит, ключи должны быть где-то возле двери.

Снейп не думал, насколько слаба его логика, это было больше похоже на самоуспокоение или, точнее, им и являлось. Он должен был каждую секунду находить то, что давало ему надежду, не останавливаясь и не смотря на только что случившиеся потери. Не так уж и важны были, в конце концов, штаны. Он заколотился в дверь как безумец, потом опомнился, стал искать ключи. Ему нужен был свет, но ничего, кроме еле-еле светящей лампы под потолком, не было, хотя Снейп разглядел еще один светильник.

Он метался возле двери, уже понимая, что снова не сможет выбраться.

— Северус!

Снейп замер.

— Северус!

Он прислушался. Энни вышла в коридор наверху или стояла в дверях комнаты.

Снейп бросился назад. Он понял, что ему надо где-то спрятаться, но сначала он должен

был сделать так, чтобы Энни его не искала. Он снова чуть не споткнулся, вспомнил про штаны, быстро наклонился и подобрал их, а вместе с ними — и то, что помешало ему в первый раз.

Трость, это была та самая трость, которая так и не помогла несчастному Люциусу. Снейп не был склонен выяснять, кому из всех, кого перечислила Энни, повезло меньше, но он сам, по крайней мере, был еще жив.

Снейп выглянул в большую комнату, осторожно посмотрел вверх. Энни все еще была в комнате, и, возможно, что-то услышав, она позвала снова:

— Северус! Ну куда вы пропали?

Сообразив, Снейп быстро прошел в туалет, не включая там свет, спустил воду. Сверху донесся смех.

— Сев, ты проказник!

Снейпа будто ударили под дых, но отступать он был не намерен. Запутав Энни, он вернулся в гостиную, по дороге толкнув и открыв дверь комнаты с барахлом и палочками, потом, ступая как можно тише, под пение Энни «Сев — проказник, Сев — проказник!» осмотрелся. Энни притушила в большой комнате свет, но не слишком, и еще можно было выбрать то, что могло ему помочь.

Он подошел к окну, посмотрел на улицу. На секунду ему показалось, что в светлеющем небе он увидел вождеденное сияние далекого городка, но не стал всматриваться и медлить. Открыть окно перебинтованными руками он не мог, поэтому, отступив на шаг назад, он взял в руки первое, что попало, — тяжелую уродливую даже на ощупь вазу для конфет, отодвинул штору, едва ли не молясь, чтобы Энни за своим воем не услышала, что он делает. Потом размахнулся и кинул вазу в стекло.

Ему почти повезло, и стекло треснуло. Ваза упала на пол — она даже не разбилась. Повторять попытку Снейп не стал, зажмурившись, чтобы не повредить глаза, и зацепив штаны зубами, он зажал между ладоней трость и размахнулся. Раздался звон.

Энни затихла. Снейп кинулся в укрытие.

Он проскользнул в комнату и будто услышал, как снисходительно хмыкнул тезка с портрета. Его мнение Снейпа волновало мало. Куда больше его заботило то, что нужно было закрыть дверь изнутри.

Память прошлого, на долгое время уснувшая, подсказала ему посмотреть на замок и оказалась права. Снейп нащупал какую-то кнопочку и нажал на нее, доверившись своим забытым навыкам. Получилось не с первого раза, но потом кнопка щелкнула, блокируя механизм, и Снейп словно увидел, как все шестеренки в замке встали на нужные места, готовые запереть его в спасительном убежище.

Снейп закрыл дверь под грохот на лестнице и истерические крики.

Он понадеялся, что Энни свалилась и сломала себе шею, но нет, она просто разносила дом своим весом и вопила:

— Грязная тварь! Ничтожная грязная тварь! Авада Кедавра!

Снейп перевел дыхание и стал натягивать штаны. Каким-то чудом ему удалось не только их быстро надеть, но и застегнуть, и он чувствовал себя почти победителем.

— Сбежал, подлая дрянь! Убью! Авада Кедавра! Авада Кедавра!

Кто-то, возможно, не Энни, а та самая сумасшедшая с ярким ртом, громила комнату. Но ее вопли натолкнули Снейпа на новую мысль.

В темноте рассмотреть он ничего не мог и знал, что ни в коем случае не должен

шуметь. Пока Энни считает, что он сбежал — или та ненормальная считает, что он сбежал, — он будет сидеть тише мыши. Он на ощупь добрал до коробочек с палочками и, зажав трость между ногами, так же на ощупь стал открывать коробки.

Тихие щелчки, которые они издавали, даже на фоне истерики и грохота ему казались оглушающе громкими. Он доставал палочки одну за другой, и не то чтобы он собирался их пробовать, но просто хотел иметь их под рукой.

Кому принадлежали эти палочки, Снейп не знал, и лишённые нормальной подвижности руки не позволяли ему изучить их как следует. Однако одна из них вдруг засияла на конце слабым синим светом.

Энни прогремела по коридору и распахнула входную дверь.

У Снейпа перехватило дыхание. Только бы она не заперла ее снова!

Потом его неожиданно осенило. Он зажмурился, хотя в темноте это было лишним, и вспомнил, где была навалена куча одежды. Взял подмышку трость и, кое-как держа палочку — она ничего не освещала, только кончик ее чуть горел — подошел к этому вороху и сунул палочку так, чтобы ее свечение было заметно из коридора. При этом он не выпускал трость и сам удивлялся, как ему удастся достичь такой фантастической ловкости. Потом он вернулся, сунул пару палочек за пояс и подошел к двери. Прислушался.

Энни бегала где-то на улице, но недалеко, и вопила не переставая. Снейп оглянулся — палочка светилась как надо и должна была привлечь внимание Энни, если что-то пойдет не так. Он впустит ее, она увидит палочку, решит, что это кто-то чужой, и тогда...

Энни вернулась в дом, и — Снейп был готов поклясться — дверь, ударившись о косяк, хлопнула и осталась открытой.

— Кхм. Кхм. Хитрый полукровка. Ну хорошо, кхм.

Снейп поправил трость и стал открывать дверь. Она не поддавалась. Он попробовал еще раз, но замок не поворачивался.

Снейпа прошиб холодный пот. Не мог же он сам себя, в очередной раз, запереть в ловушке? Или мог?..

Энни что-то заметила и подошла ближе. Снейп слышал ее шаги.

— Кто здесь? Кто бы вы ни были, я не буду возражать и приму вас как гостя, только не прячьтесь.

Снейп застыл.

Энни с той стороны двери пошевелила ручку, налегла на дверь в попытке ее открыть. Снейп не дышал, но замок сработал как надо. Энни толкнула дверь еще раз, потом еще.

— Не-ет!

От ее вопля у него едва не намокли штаны.

— Чертова дверь! Сука! Нет, ты не могла закрыться! Нет! Моя комната! Опять! Не-ет!

Снейп отмер, отступил на шаг и вытащил трость, зажал ее между ладонями. Потом поднял над головой, подумал, опустил на пол и взял за другой конец, поднял и приготовился. Он рассчитывал ударить Энни массивной рукояткой и надеялся, что смелость ему не изменит.

Энни колотила по двери ногами.

— Откройся! Откройся немедленно! Откройся!

Снейп не знал, как долго может выдержать дверь. На вид она была очень прочной, но вряд ли рассчитана на силу сумасшедшей. Как ему показалось, дверь страдала мало, но вот дверная коробка начала поддаваться.

Энни затихла и перестала вопить.

— Алохомора!

Снова удар ногой по двери. Потом Энни развернулась и шумно побежала к выходу.

Снейп быстро сунул трость между ног и задергал ручку. Он по наитию сообразил, как исключить проникновение извне, но никак не мог понять, как теперь выбраться ему самому. Он заставил себя на секунду остановиться, не поддаваясь панике, и подумать. Если этот замок рассчитан на то, что кто-то сможет закрыть дверь изнутри, значит, этот кто-то должен иметь возможность отсюда выйти.

Нужно было тщательно ощупать замок, только вот Снейпу не давали это сделать перебинтованные руки. И, как только он вспомнил об этом, руки взорвались такой адской болью, что на глаза у него навернулись слезы.

Но он не собирался сдаваться. Кончиками обожженных пальцев, которые Энни то ли не стала, то ли не сумела перебинтовать, он стал водить по замку в поисках какой-нибудь кнопочки.

Энни уже возилась под окном. Снейп отогнал от себя мысль, что мог бы и сам выбраться через окно — вероятно, мог, но так же вероятно, что нет. Неизвестно еще, получится ли забраться через окно сюда у самой Энни.

По ее злобному бормотанию стало понятно, что ее разозлило не то, что в этой комнате может кто-то прятаться, и даже не то, что этим кем-то может быть Снейп, а то, что никак не открывалась дверь. Снейп решил, что в теории Энни, несмотря на больную голову, не исключала возможности блокировки двери, а быть может, подобные случаи уже были. То, что произошло потом, подтвердило его догадку.

Энни что-то подтащила под окно и стала карабкаться.

Снейп понял, что должен рискнуть. Он не выберется отсюда без помощи Энни, а значит, он должен позволить ей не только оказаться в комнате, но и открыть проклятую дверь. Он на ощупь отошел дальше, так, чтобы оказаться совсем в тени, потом примерил размах трости. Только бы Энни не стала включать свет!

Энни уже маячила в окне. Снейп замер изваянием с поднятой тростью.

Раздался звон стекла. Энни не щадила свой дом — то устроила погром в большой комнате, теперь выбила окно в своем хранилище барахла. Снейп вдруг подумал, на какие средства она этот дом содержит, а еще — кто же все-таки был тот человек, с которым она говорила, если только он Снейпу не примерещился.

Энни продолжала выбивать стекло, грязно ругаясь. Колыхались шторы, Энни была уже близко.

Она была не только сильной, но и довольно ловкой. Вот она уже стояла на подоконнике, сорвала штору и даже карниз — легко, как будто это была марля и ниточка, потом спустилась на пол.

Снейпа она не заметила, а может, была слишком сосредоточена на своих сокровищах. Снейп вспомнил о разоренных палочках и еще крепче стиснул трость, готовый отбиваться до последнего. Как бы ни была сильна Энни, вряд ли она сможет устоять против такого удара.

Энни же, тяжело дыша, пошла к двери, продолжая изрыгать ругательства. Свет она не включила — да, подобное явно случалось не впервые — и сразу начала копать в замке. Он щелкнул, и Снейп размахнулся.

Удивительно, но он не промахнулся и не ослабил силу удара. Он попал точно Энни по голове и даже услышал, как хрустнула кость. Он только краем сознания отметил, что,

наверное, убил ее, но ему было все равно.

Энни осела на пол, не издав ни звука. Снейп вздохнул и почувствовал, как по лицу текут слезы. Не от жалости, а от того, что теперь он свободен.

Он обошел тело Энни, отодвинул его ногой, почти пнул, но Энни не шевелилась. Снейпу показалось, что вокруг ее головы натекает кровь, перешагнув через Энни, напоследок опять нажал кнопку, блокируя дверь, хотя и понимал, что мертвые дверей не открывают.

Закрыв за собой дверь и вышел в коридор.

И тут его ждал удар. Входная дверь была плотно закрыта. Не веря сам себе, Снейп дергал ручку, колотил по двери ногой, плакал, потом упал на колени и стал искать ключ. Бесполезно, и Снейп с отчаянием понял, что ключ остался там, вместе с Энни, запертой в комнате с барахлом.

«Опять, опять, опять!» — как маятник, колотилась в голове безумная мысль. Потом Снейп успокоился. Ему больше ничего не грозило — Энни была мертва, он был в безопасности. Все было кончено.

Он вытер слезы и пошел в разгромленную комнату. По дороге прислушался — там, где он оставил спать вечным сном свою истязательницу, было тихо.

Снейп представлял, как скажет: «Здравствуйте, я убил человека. Он мучил меня, изнасиловал, отрезал мне палец. Приезжайте за мной, только вот я не знаю, куда...»

Прямо посреди комнаты валялась вырезка из газеты. На нее наступили, и она была порвана, но Снейп наклонился и прочитал заголовки.

«Лучшее средство от облысения — всего за полцены!»

«Пойман неуловимый воришка в аэропорту Кеннеди».

«До сих пор не найден Себаст...»

«Разыскиваются свидетели дорож...»

Снейпа это интересовало мало. Ему захотелось пить, и он даже поискал взглядом воду, но не нашел и обрадовался. Вряд ли ему было бы приятно что-то пить в этом доме после всего, что произошло. Зато он увидел папку, из которой, скорее всего, и выпала вырезка, тесемки ее были развязаны, и часть бумаг грудой валялась на полу. Там могло быть много интересного, в этой грудке и в этой папке.

Что-то стукнуло. Снейп вздрогнул.

Стук повторился. Потом раздалось шуршание, что-то щелкнуло раз, другой. Сомнений уже не было — Энни очнулась и выбирается из комнаты.

Снейп бросил трость там, в комнате, рядом с телом Энни, оружия у него больше не было, только палочки за поясом. И одну он уже потерял. Он выхватил вторую, чуть ее не уронив, но развернулся и бросился наверх. Он заметался по верхнему коридорчику, не зная, куда бежать. В первую комнату? Какая там дверь? А если она не запирается? Скорее всего, не запирается, ведь Энни не могла не понимать, что он может закрыться изнутри и не впускать ее. Во вторую свою тюрьму? Он добежал до конца коридорчика и уперся в узкую и незаметную дверь.

Энни уже поднималась.

«Она дьявол, — застонал Снейп. — Она ведьма. Ее невозможно убить».

Что там говорил этот хлыщ про хоркруксы?..

Додумывать он не стал.

— Стой!

— Авада Кедавра!

Палочка от взмаха легко вылетела из рук. Снейп и сам не знал, почему крикнул именно это, но Энни, как ему показалось, остановилась и замерла. Что было с ней дальше, он смотреть не стал. Дверь открылась очень легко, от одного рывка, и, хотя Снейп отдавал себе отчет, что лезет в очередной капкан, он выскочил на крышу дома.

— Стой! Нет! Нельзя! Стой!

В крике Энни прозвучало что-то новое. Таких интонаций — испуга? — от нее он раньше не слышал. Но все равно сделал еще один шаг.

И почувствовал, как ноги теряют опору.

Сначала Снейп решил, что это какое-то заклинание, — месть Энни. Она решила сбросить его с высоты. Потом — что сам обессилел настолько, что не в силах устоять на ногах, и только когда он взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, до него дошло, что дело не в этом. Ноги скользили, разъезжались, будто он наступил голыми ступнями на мокрые листья, раскиданные по болотной жиже, и, хотя он чувствовал поверхность, она сама ускользала из-под него.

Он больно грохнулся тощим задом, взвыл, больше от испуга, чем от боли, потому что боли не почувствовал, и продолжил орать, понимая, что не уцепится забинтованными руками, не удержится и упадет.

Снейп скользил по крыше бесконечно долго, целую вечность, сначала только задницей, потом спиной, и махал руками перед собой, а под ним было скользкое нечто, и Энни, разумеется, знала об этом.

— Ацио!

Снейп начал задыхаться от ужаса. Он почувствовал, как ноги оказались в пустоте. Падение длилось и длилось, и Снейп отчетливо осознавал каждую из своих последних секунд.

— Ацио Северус!

Снейпа перекинуло в воздухе, сильно рвануло за талию. Ему показалось, что его перерубили пополам или переломили. Он не знал, что именно кричала Энни там, в дверном проеме, но он больше не падал, только ступни его болтались прямо перед лицом, и было очень трудно дышать.

— Северус!

Он висел, чудом зацепившись за что-то поясом брюк, и видел под собой темную пропасть. Два этажа плюс крыша — высоко, и если он свалится прямо так, как висит, выжить ему уже не удастся.

— Северус! Ответьте мне!

Снейп молчал. В голосе Энни была неподдельная тревога, даже можно было различить слезы, но он молчал. Как бы ни было ему страшно и больно, он смирился с тем, что это конец. Какой-то смешной, нелепый, но безопасный. Он просто упадет и разобьется, и Энни больше никогда не сделает ему ничего плохого.

— Северус!

Несколько секунд стояла тишина. Потом Энни с криками и слезами бросилась вниз, на улицу.

Он не умер, и она не умерла. Хоркруксы — как якорь, не позволяющий уйти. У Энни тоже есть хоркрукс, откуда? А откуда он у него самого? Интересно, что будет, когда он все-таки упадет? Он останется призраком в этом доме, как и все, кого убила тут Энни? Амбридж... Малфой... Грейнджер... и кто-то еще.

Может быть, Энни тоже призрак.

А еще — Эванс. Кто такая Эванс?

— Северус!

Снейпа на секунду ослепил свет, ударивший прямо в лицо снизу. Энни не забыла

захватить фонарь и теперь выхватывала свою жертву лучом из темноты, но не могла вырвать ее у коварной крыши.

— Северус! Я... я... я...

Энни рыдала, и это было так странно и страшно, страшнее, чем то, что Снейп пережил до сих пор. Она казалась неспособной на простые человеческие слезы — это было слишком нормально, а потому — неправильно.

Жутко.

— Простите меня, Северус. Пожалуйста. Простите. Простите. Простите...

Свет пропал, и Снейп услышал, как упал фонарик, а следом на колени упала Энни и разрыдалась уже всерьез.

Она плакала так, как плачет ребенок, случайно или намеренно погубивший любимую птичку. Оторвал ей крылышки, потом лапки, потом голову — и теперь птичка не летает и больше не полетит никогда. Дети жестоки, вспомнил Снейп и вспомнил — что такое дети.

Его класс, обычный класс начальной школы, мелкота с рабочих окраин. Все разные — кто-то любил учиться, кто-то был хулиганом, кто-то просто приходил каждый день на уроки, чтобы не злить родителей. И он...

Себастиан.

Фамилию он не помнил, но знал, что учил детей, учил — и ненавидел. За крики, за драки, за любопытство, за то, что у кого-то из них были шансы стать действительно великими людьми, а кто-то, несмотря на все усилия учителей, все равно погибнет лет через пять от наркотиков или слишком беспечной езды под парами дешевого алкоголя. За то, что на кого-то он тратил слишком много сил, а кто-то через десять-пятнадцать лет взлетит так высоко, что и не вспомнит школьного учителя. За то, что одни крали его время, а другие украдут возможности. За то, что он сам в детстве очень старался, но так ничего и не достиг.

За то, что у них было все впереди, и быстрая смерть, и великие дела.

«До сих пор не найден Себаст...»

Себастиан-без-фамилии, школьный учитель, трус, ничтожество, не сумевший сохранить свою семью, безответственный, никчемный человечиска, суицидник-неудачник. Вот кто он такой, а вовсе не волшебник Северус Снейп, победивший какого-то могущественного мага и обманувший смерть.

Смерть не обманешь. Ее можно только подразнить.

— Я хотела быть такой же, как они.

Себастиан чувствовал, как дрожит та самая планочка — или что это было, — которая держала его на этом свете. Последняя ниточка, связывающая его с миром живых.

— Как Рэббит Плот. Это дикие вещи, дикие, глупые, там вы — не вы, там все не так, весь мир другой...

Энни бредила. Ее больной ум не выдержал ожидания потери. Ее птичка не просто умерла — бескрылая и безногая, с полуоторванной головой, она забилась в щель, откуда ее никак не достанешь.

— Но мне говорили — нет. Мне говорили — много ошибок. У Рэббит Плот их почти нет. Мне говорили — это не то, совсем не то. Дифферент Уорлд, кажется, так. Не знаю, где он. Я бы его убила.

Себастиан закрыл глаза. Он бы хотел умереть не под это бессвязное, непонятное нытье, но, наверное, у него не было выбора.

— А еще есть другие. Их много. Они все разные. И они видят вас своего, они, но не я. Я

не могу поделиться с другими вами, не могу показать вас таким, какой вы есть...

Где-то чирикнула птичка. Начинался рассвет.

— Были и другие. Я показала вас им, я ждала, что они поймут, что удивятся, оценят. Но нет. Они кричали, что я бездарность. Что я извратила мир, что я искалечила вас, что они вас не узнают. Что я не умею говорить словами, что я недостойна. И когда я увидела вас, поняла, что я должна сделать...

Она замолчала. Себастиан вздохнул, планочка под его весом слабела. И внезапно ему стало все равно. Он же хотел уйти из жизни, у него не получилось тогда, что ж, все равно он получает то, что желал, потому что смерть не обманешь. Он неосторожно ее подозвал, и все это время она терпеливо ждала, пока он образумится — или пока образумят его. Одна, с пустыми руками, смерть уходит уже не собиралась.

— Вы долго там были. Наверное, несколько дней. Или, может, просто прошел дождь, вы намокли, дрожали, вы бредили. Я могла бы пройти мимо вас, какая мне разница, кто лежал там... Я просто решила сходить под кустик. Дорога долгая. Знаете, Северус, банк мне отказал. Я ездила в этот город, надеялась, что хотя бы там мне помогут, но нет. Я сидела под кустиком, а потом услышала стон. Я пошла вас искать. И когда я увидела вас, то решила — а почему бы и нет. Это хороший выход. А потом я взглянула вам в лицо...

Себастиан умирал под ее бормотание. Он не чувствовал своего затекшего тела, к голове приливалась кровь. Он решил, что уже почти мертв, а в сарае между тем закудахтали куры...

— Я привезла вас домой. Это чудо. Просто чудо. И я решила — я напишу вас как вас, и никто, никогда, ни за что мне не скажет, что я извратила вас. Я люблю вас...

Надсадно, хрипло заорал петух, и Себастиан оцепенел. Петух орал где-то недалеко, но явно не в сарае Энни.

— Вот видите, Северус. Вы умрете, я вас уже не спасу. Наверное, я потеряла магию. Всю, до конца. И вы... и вы тоже. Вы же умели летать, но вы не летите. Все кончено. А потом снова придут эти люди и отберут у меня дом, но не вас...

Значит, решил Себастиан, ему не пригрезилось. Люди в доме действительно были!

И в этот момент ему смертельно захотелось жить.

— Энни!

Планочка дернулась в очередной раз.

— Я учитель, Энни...

Эта маньячка с размалеванным ртом говорила, что Снейп — тоже учитель.

— Вы знаете, что я учитель. Я помогу вам сделать, что вы хотите.

Знать бы еще, что именно, но это уже не имело никакого значения.

— Я научу вас. Спасите меня. Помогите мне.

— Нет.

Ответ ее был сух, кроток и короток, и он не оставлял никакой надежды.

— Вы больше мне не нужны. Я не знаю, что меня ждет. Я должна была продать этот дом после смерти родителей, так все говорили, но он так напоминал мне о вас. О том, как я впервые узнала о вас. Каждая комната тут пахнет вами...

«Еще бы», — зло подумал Себастиан.

— ...Они умирали и умирали, я не умела заботиться о них так, как отец. Их перестали покупать, и все шло хуже и хуже, вы слышите? Этот петух убежал от меня...

— Принесите сено, Энни. Пожалуйста.

Но он понимал, что она не успеет, даже если вдруг удастся ее уговорить.

— Вы сейчас упадете, я успею вас похоронить, Северус. Времени еще много, очень много...

Утро уже наступало. Себастиан чувствовал, как садится на него роса, как просыпается мир, но он сознавал, что Энни права. Сейчас самое большее — четыре часа утра, и раньше девяти не стоит ждать никакого спасения.

— Знаете, я решила, что сделаю.

Энни поднялась. Себастиан посмотрел вниз, она стояла, задрав окровавленную голову — это было уже четко видно — и смотрела на него. В глазах Энни были слезы.

— Прощайте, Северус.

Она развернулась и пошла прочь. Себастиан набрал в грудь воздуха, чтобы крикнуть ей вслед, и почувствовал, что его ничего больше не держит.

Он летел вниз бесконечно долго, и бравурно, пафосно ему аккомпанировал торжественным воплем удравший от Энни петух.

Удивительно, но Себастиан не погиб. Он даже не почувствовал боли. Он упал на что-то сравнительно мягкое и, как ему показалось, мокрое. Первое, что он сделал, — дернул руками, ногами, шеей, убеждаясь, что все на месте и не переломано, а потом полетел вниз снова.

Его оглушил дикий крик перепуганных кур, в рот попали перья, но Себастиану были безразличны подпорченные птичьи нервы. Он вскочил...

И упал. Все-таки тело ему изменило, пусть боли он совершенно не чувствовал.

Где-то сработал какой-то механизм, позволяющий ему все еще жить, но силы были уже на исходе. И Себастиан лежал, смотрел на поилку, весь вымазанный в разбитых куриных яйцах, и слушал, как на него нецензурно ругаются лишенные потомства куры.

Себастиан убеждал себя встать и идти, но не мог. Он хотел, но не мог. Может быть, потому, что он понял, что вовсе не маг, потому, что он не почти всемогущий Северус Снейп, потому, что он и так пережил слишком много, или лишь потому, что где-то там, в доме, Энни повторяла, возможно, куда успешнее, то, что не удалось ему самому.

«Пусть все кончится, наконец», — решил он.

Он вспомнил жену, вспомнил, как ее звали. Эвелин. Ну конечно же, Эвелин. Егс Эвелин, веселая, живая, яркая. Что он сделал для нее? Ничего. Наслаждался — и только, и она от него ушла. Он ничего не давал ей взамен — ни веселья, ни наслаждения, ни ласки, ни уюта. Скучное, понурое, унылое существо.

«Если я выживу, — подумал он, — я вернусь. Я вернусь и сделаю ее самой счастливой».

Вспомнил мать. Вспомнил отца. Мать — некрасивая, слишком набожная, отец — ленивый и злой. Все считали, что отец его пьяница, потому что мать часто ходила с побоями, но на самом деле они регулярно дрались потому, что мать была редкой свиньей, а отец зарабатывал мало денег. Отец был сильнее, и Себастиан часто прятался от него, в гневе тот не разбирал, кого лупить, а мать — мать могла подсунуть под горячую руку мужа и собственного сына. А еще мать любила «лечить» отца заговорами, что бесило его еще больше, чем грязь в доме.

У него было не самое лучшее детство.

Скрипнула дверь. Нет, Энни не собиралась умирать, она пришла — из плоти и крови.

— Им ничего не достанется, — ровно и тихо сказала она. — Мои сокровища им не достанутся.

Она села рядом, отогнав возмущающихся кур, и погладила Себастиана по голове.

— Мы тоже скоро с вами уйдем. Не бойтесь, вам больно не будет.

Куры, посоветовавшись, стали выбираться на улицу через открытую дверь.

— Я не хочу, — возразил Себастиан. — И знаете... я не тот, за кого вы меня принимаете.

— В этом уже нет никакой разницы, — пожала плечами Энни.

Себастиан посмотрел на нее и понял, кого она ему напоминает. Себя самого. Серая, невзрачная, бесконечно несчастная... только по собственной воле.

Наверное, в какой-то момент лимит ее страданий перемкнул что-то в ее голове, и обычная деревенская женщина повредила умом. Кем она себя возомнила? Всеми теми, кого она перед ним представляла? Творцом какого-то мира? Гением, непризнанным гением? Все может быть, а возможно, она всегда была не в себе и, оставшись одна, совершенно сошла с ума, не в силах справиться ни с разваливающимся хозяйством, ни с собственным разумом...

Себастиану стало ее даже жаль. Он подумал, что, вероятно, с ней он был бы даже счастливее, чем с Эвилин. Противоположности всего лишь притягиваются, но кто сказал, что они остаются так бесконечно? Пламя быстро выжигает бензин, и водой пожар не потушишь...

Себастиан принялся.

— Что это?

— Адский огонь.

Себастиан улыбнулся.

— Заклинание?

— Нет. Просто адский огонь. Он пожрет мою тайную комнату, а потом все, что находится рядом. Такой вот конец. И мои рукописи тоже. И нас.

До Себастиана наконец-то дошло. Эта умалишенная подожгла дом. Дом в огне.

— Энни, Энни... — задыхаясь, начал он. — Не надо. Давайте мы просто уйдем. Как вы и хотели. Только помогите мне.

— Хорошо, — покорно согласилась Энни. Она улыбнулась, убрала с лица грязную свалявшуюся прядь. Себастиан подумал, а помнит ли она, что он пытался ее убить. — Вот, выпейте.

Он достала что-то из кармана своего балахона.

— Я не хочу.

— Знаю, — кивнула Энни. — Это слабый раствор кислоты. Я поила им вас, чтобы вы не кричали. Понимаете, когда приезжали те люди из банка... Я не хотела их впускать, но они мне грозились полицией. А я не могла оставить вас. И я поила вас, чтобы вы не могли говорить. Иначе они могли вас услышать. Мне не хотелось затыкать вам рот, это было бы слишком жестоко. И теперь вам придется выпить это снова, потому что я знаю — вы будете очень кричать, когда до вас доберется адское пламя.

— Энни, — тихо и убедительно сказал Себастиан, — Энни, это не выход. Вы же добились моей любви. Почему вы хотите теперь все разрушить?

— Потому что вы должны умереть.

Она поднесла скляночку к его губам.

— Пейте.

Себастиан думал.

— Пейте, пейте... Куры уже почти все ушли, видите? Они чувствуют близкую смерть.

Но мы же не куры, мы люди. Мы достойно примем свой конец. Без криков, без воплей.

— А вы?

Энни улыбнулась. Было в этой улыбке что-то такое отчаянно-беззащитное, что Себастиан понял — нет, он не должен позволить ей умереть.

Она просто несчастная сумасшедшая. Опасная, как ядовитая змея, но ведь змея не виновата в том, что не может реагировать на внешний мир иначе. Она живет, как может, и Энни живет, как умеет, справляясь с тем, что ее радует или раздражает, доставляет ей радость или причиняет боль.

— Вы разве сможете не кричать?

— Не смогу, — призналась она. — Но вы должны умереть достойно.

— Я дарю вам это право.

Времени было все меньше. Себастиану показалось, что он уже слышит треск пламени за стеной, что становится все жарче и жарче. В углу копалась последняя курица, видимо, подбирая за сбежавшими соседками остатки корма.

— Нет, Северус. Нет. Пейте вы.

Если это было единственным способом — он был согласен. Но сначала он должен был убедиться, что горло — пусть предстоит пережить еще одну невыносимую боль — это еще не все. Он должен был быть уверен, что встанет, выбежит, может быть, вынесет Энни из огня.

— Помогите мне сесть.

Энни удивилась, но обстоятельно убрала скляночку, затем подхватила Себастиана подмышки, усадила. Голова у него закружилась, перед глазами все поплыло, дышать было сложно, и тело болело после падения, но он мог двигаться, все-таки мог. Он подогнул под себя ноги, и это ему удалось. Погладил Энни по голове перевязанными руками — сначала одной, потом второй. Затем поменял положение.

Он мог двигаться, только не знал, когда эта способность у него пропадет. Человек перед страхом смерти способен на многое, главное — знать, где запас этой прочности.

— Держите.

Энни совершила ошибку, а Себастиан взял протянутый ему флакон. Вытащил пробку, осторожно понюхал, принимая решение.

Потом размахнулся и швырнул склянку в угол. Жадная прожорливая курица покинула свой дом, который вот-вот должен был превратиться в настоящую печку, и склянка упала куда-то в загаженную вонючую солому.

— Зачем? — все так же ровно, покорно спросила Энни. — Вы же будете кричать.

Себастиан улыбнулся. Что делать дальше, он не знал, но одной угрозой стало меньше.

— Вы же будете кричать, вы, грязный сальноволосый ублюдок!

Энни вскочила, нависнув над ним, и волосы ее, казалось, зашевелились, как у Медузы.

— Вы будете орать, дрянь! Вас услышат! Вы...

Себастиан ударил ее ногой по коленке, рассчитывая, что она упадет, и тут же вспомнил, что Энни почти нечувствительна к боли. Ударил еще раз, потом еще и еще. Энни взвыла.

Себастиан попытался подняться и просто уйти.

«Мне это все надоело».

Энни ударила его в лицо, и он повалился навзничь, ударившись головой обо что-то твердое, потом перекатился на живот и еще раз пнул Энни, попал, и на этот раз она охнула и упала.

Себастиан поднялся, шатаясь, но удержался на ногах, бросился к выходу. Дверь широко распахнулась, в лицо ударил утренний воздух и запах гари.

Пламени еще не было видно, но то, что дом горел, сомнений не вызывало. И, скорее всего, уже невозможно было его потушить.

Себастиан сделал шаг, другой, и что-то сильно ударило его в спину чуть ниже шеи. Себастиан закричал, падая за землю плашмя, и успел заметить невдалеке нечто, смахивающее на топор. Он не стал задумываться, что этот предмет делает здесь, во дворе, на земле, потому что в этом доме все могло быть и должно было быть не на своих местах.

Энни схватила его за щиколотки и потащила.

Он извивался, кричал, выл, хватался за землю, а Энни волокла его все ближе к пламени. Вот она уже подошла к крыльцу, и тут Себастиану пришла в голову мысль. Как только Энни поднялась на ступеньку, он с силой рванулся, так резко и мощно, как только мог, и у него получилось. Энни от неожиданности потеряла равновесие и упала. Себастиан несколько раз толкнул ее ногами — он чувствовал, что попал, — и быстро пополз прочь.

Ползти с перебинтованными руками было сложно, но он полз, и полз быстро. Он опирался на локти, извивался, но не тратил времени на то, чтобы снова попытаться встать. По крайней мере, до тех пор, пока не окажется достаточно далеко.

По двору метались куры, свиньи — всех животных Энни то ли выпустила, то ли они выбрались сами, почуяв смерть. Но сейчас опасность им не угрожала, и беспокоились они больше из-за того, что где-то поблизости был огонь.

Себастиан услышал, как в доме что-то громко ударило, а потом загудело, затихло на мгновение и рвануло.

Взрыв был такой силы, что Себастиану заложило уши и даже отбросило чуть вперед. «Наверное, газ». И, наверное, Энни. Он очень рассчитывал, что Энни — тоже, уже забыв, что только что думал, как ее спасти. Он тряхнул головой и пополз снова, упираясь локтями изо всех сил и недоумевая, почему он не движется.

Потом он оглянулся.

Энни лежала вниз лицом, но она крепко вцепилась в его ноги. Было похоже, что она была без сознания.

Себастиан задергался, освобождаясь, и кричал, кричал, кричал, пугая свое собственное бессилие. Энни в ответ только сжимала руки — она, возможно, была обессилена, может быть, ее ударило что-то, но она контролировала происходящее и без чувств определенно не была.

«Я уже спасся».

Одну ногу он вырвал из хватки Энни, а вторая оставалась в тисках, и он бил Энни по голове, не переставая и не прекращая кричать.

«Я почти спасся, черт тебя возьми!»

Потом понял, что кричать и дергаться в попытке освободиться бесполезно, и пополз дальше, волоча Энни за собой. Она ползла следом. Не пускала его, но ползла. Взрыв, наверное, все же достал ее и оглушил. На секунду все снова затихло, а быть может, у Себастиана от напряжения зашумело в ушах, но вдруг из плотной ватной тишины и равномерного гула пламени он выхватил новый звук.

И это была машина. Мотор, ровный, приближающийся.

Себастиан встрепенулся. Звук тотчас пропал, но он был уверен, что не ослышался.

— Помогите! — завопил он, и его голос был похож на комариный писк.

Энни дернула на себя его ногу.

— Помогите! Пожалуйста!

Он на секунду остановился, приподнявшись на локтях, и его снова уронили лицом на землю. Энни совсем очнулась, поднялась, и теперь уверенно шла к горящему дому и тащила его в огонь.

— Пламя смоеет грехи. Пламя очистит грехи.

Себастиана окончательно взбесило это бормотание.

— Отпусти меня, ты, тупая сука! — заорал он. Удивительно, но этот вопль получился отчетливым и громким.

Он уже знал, что спасение близко. Те самые люди из банка. Хороший же их ждет сюрприз...

— Пламя выжжет скверну, пламя земное избавит от пламени адского.

— Сдохни!

Он сам не знал, как у него получилось. Но он не только вырвался, он смог вскочить на ноги, он набросился на Энни, он опрокинул ее, он начал ее душить...

По спине Себастиана ударило что-то, обожгло. Но спина у него была голая, и одежда не загорелась.

Энни хрипела, смотрела на него выпученными глазами. Если бы Себастиану сказал кто раньше, что человека возможно душить перебинтованными руками, он бы рассмеялся. Теперь он знал — можно.

Если очень хочется жить.

Он хотел, чтобы Энни перестала хрипеть, чтобы она уже задохнулась как можно скорее, потому что боялся, что она будет бороться за жизнь, будет пытаться опрокинуть его или ударить ногами, и он не справится с ее невероятной силой. Но Энни в ответ протянула руки к его горлу.

Никакая боль, даже от отрезанного пальца, не могла сравниться с этим — как будто ему отрывали голову заживо. Ни крикнуть, ни вдохнуть. Но разум поборол инстинкты, и Себастиан разжал руки.

Энни тоже.

Себастиан не дышал. Пусть она подумает, что он мертв, потому что или он сделает вид, убедительно сделает вид, что он умер, или умрет окончательно.

А машина была все ближе. Себастиан знал, что это так. Они увидели пламя, они едут как можно скорее, торопятся, прибавили скорость. Он не хотел думать о том, что, заметив огонь, сотрудники банка, если это были они, могли повернуть назад. Дом все равно уже не спасти.

Пока Энни вставала, он позволил себе пару вдохов, а потом обмяк и только зажмурился, чтобы земля не попала ему в глаза, пока его обратно тащили на казнь.

Обреченный дом дышал на них жаром пламени, а Себастиан готовился остаться в живых.

Энни подошла очень близко к горящему дому, так близко, что Себастиан почувствовал, как начинает тлеть ткань его штанов. Энни чего-то ждала, но не заходила в огонь.

Она выпустила его ноги. Наверное, думала и что-то решала. Время шло, Себастиан уже понимал, что еще немного — и их обоих охватит огнем, достаточно будет одной искры. Ничего не происходило, кроме пения пламени, и только обломки погибшего дома летали вокруг и плавно падали наземь.

Что-то обожгло ногу Себастиана, и он дернулся, закричав, покатился по земле, сбивая пламя, потом замер. Он был не так уж далеко от огня, но был в безопасности. Энни не было видно.

Себастиан приподнялся и осмотрелся. Энни он не видел, а дом уже догорал. Огню не потребовалось много времени, чтобы уничтожить все то, что было когда-то кому-то дорого. Животные разбежались, и только петух, озабоченный потерей гарема, орал где-то неподалеку.

Себастиан сел.

Энни лежала почти на крыльце и не двигалась. Волосы ее обгорели. Насколько мог рассмотреть Себастиан, глаза ее были открыты.

Он встал. Поискал что-то, что могло бы сойти за оружие, и увидел какой-то металлический дрын. Зажал его в ладонях, пошатываясь, побрел к крыльцу. Он должен был быть уверен, что на этот раз уйдет без погони.

Энни смотрела в небо глазами без ресниц и бровей, безжизненными, тусклыми глазами. Себастиан размахнулся и ударил ее. Потом еще раз, и еще. И бил ее до тех пор, пока голова Энни не превратилась в кровавое месиво.

Отбросил дрын, отошел на десяток шагов и сел, обхватив голову. Он слушал, как в голове его что-то поет, смеется, произносит речи, даже спорил с этим голосом в голове. Подошел петух и стал надоедливо жаловаться. Себастиану хотелось пить.

Потом, словно что-то вспомнив или услышав, он вздрогнул и посмотрел на незнакомых людей и большую машину. Люди разворачивали какие-то шланги и тянули их от большой машины к дому — довольно лениво, понимая, что они все равно опоздали. Над головой сияло солнце, а Себастиан улыбался мужчине в форме и еще одному мужчине — в костюме, и еще одному — в футболке, который держал в руке что-то, похожее на твердый белый лист бумаги, на котором что-то светилось. Этот мужчина не смотрел на Себастиана, а быстро тыкал пальцем в твердый лист.

— Здравствуйте, — сказал им Себастиан. — Я убил человека.

Мужчина в форме ровно покивал головой. Казалось, он его понимал и не спешил вершить правосудие.

Вода лилась на погибший дом, а прямо перед Себастианом блестел на солнце маленький золотистый кулон.

Больше книг на сайте - Knigoed.net